

ЖАК ПЁШЕ

МЕМОУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том IV

Перевод с французского

Жак Пёше

**Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том IV**

«Автор»

2026

Пёше Ж.

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том IV /
Ж. Пёше — «Автор», 2026

Париж конца XVIII — начала XIX века. За фасадами дворцов, шумом площадей и дверями полицейских кабинетов скрывается история города, о которой молчат официальные хроники. В четвёртом томе «Мемуаров из архивов парижской полиции» Жак Пёше обращается к подлинным делам, донесениям и свидетельствам эпохи: от произвола королевских приказов и кровавых дней революции до политических заговоров, тайных агентов и трагических человеческих судеб. На страницах книги появляются Фуше, Видок, Бонапарт, их союзники и противники; рядом с государственными интригами — истории отчаяния, преступлений и борьбы за выживание. Это не выдуманный детектив, а документальное путешествие в мир, где власть, страх, честолюбие, случай решали судьбы людей, а полицейский архив сохранил то, что современники предпочли бы забыть. Автор заметок Жак Пёше, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Пёше Ж., 2026

© Автор, 2026

Жак Пёше

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том IV

**МЕМУАРЫ,
ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ИЗ
АРХИВОВ ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ,
ДЛЯ ИСТОРИИ НРАВОВ И ПОЛИЦИИ
ОТ ЛЮДОВИКА XIV ДО НАШИХ ДНЕЙ.**

**Ж. Пёше,
архивариус полиции.
ТОМ IV.
ПАРИЖ,
А. ЛЕВАВАССЁР И К°,
Биржевая площадь, 8.
1838.**

СОДЕРЖАНИЕ

Глава LII · О письмах за королевской печатью 3
Глава LIV · Комитет расследований Парижской коммуны 19
Глава LV · Королевская контрполиция 42
Глава LVI · Анекдот о роялистском комитете 60
Глава LVII · История парижской Ратуши 71
Глава LVIII · О самоубийстве и его причинах · О самоубийстве и его причинах 93
Глава LIX · От Учредительного собрания до 10 августа 149
Глава LX · Министерство общей полиции 161
Глава LXI · Дюбуа, первый префект полиции 191
Глава LXII · Паскье, второй префект полиции 214
Глава LXII · Бурьенн, третий префект полиции 234
Глава LXIII · Реаль, четвёртый префект полиции 245
Глава LXIV · Куртен, пятый префект полиции 253
Глава LXV · Деказ, шестой префект полиции 255
Глава LXVI · Англес, седьмой префект полиции 262

ГЛАВА LII

О письмах с печатью и приказах короля в управлении полицией. Письма с печатью, это орудие произвола, которому мы обязаны гневом и славой Мирабо, были главной опорой власти лейтенанта полиции. Они отличались от королевских приказов, и составлялись совершенно иначе; королевский приказ обращался к должностному лицу, которому поручалось исполнить определённую меру или арестовать подданного; письмо же с печатью вручалось непосредственно самому лицу, которому оно было адресовано: под угрозой наказания за неповиновение ему предписывалось сделать то или другое, явиться в указанное место и оставаться там до дальнейшего распоряжения. Кроме того, королевский приказ предписывал тюремщику принять указанное лицо и держать его под стражей, пока не будет постановлено иное.

Название «письмо с печатью» не столь древнее; впервые оно встречается в Орлеанском ордонансе 1560 года (статья 5).

Происхождение этого выражения связано с различием печатей, употреблявшихся в первые времена монархии: существовала большая печать, хранителем которой был один лишь канцлер, и малая, или тайная, печать, находившаяся в руках королевского камергера. Долгое

время тайной печатью пользовались только при отправлении канцлеру жалованных грамот, которые он затем должен был скрепить большой печатью. Но возникло злоупотребление, установленный порядок перестал соблюдаться; впоследствии на жалованные грамоты стали ставить одну только малую, или тайную, печать.

Наконец, поскольку король также иногда скреплял эти письма своей печаткой, как об этом упоминается в некоторых ордонансах, при дворе установился обычай для запечатывания секретных посланий вместо тайной, или малой, печати, употребление которой вышло из обихода, пользоваться только этой печаткой, или печатью, изображавшей герб Франции. Таким образом, название «письма с печатью» сохранилось за распоряжениями в форме писем, скреплёнными только печаткой или печатью короля. Учёный автор «Максим публичного права Франции» (1) изложил в этой книге, столь же хорошо написанной, сколь глубоко продуманной, все доводы, которые разум, справедливость, гражданская свобода, права и привилегии нации дают против употребления писем с печатью; к этому сочинению я и отсылаю читателя, который найдёт в нём источник познаний, превосходящий даже всё собранное графом де Мирабо в трактате «О письмах с печатью и государственных тюрьмах» (2). Господин де Монблен, менее пылкий, чем Мирабо, зато более последовательный и учёный, лучше отвечает защитникам произвольных приказов доводами положительного права и публичными актами, нежели если бы он предался исключительно исследованию общих начал законодательства — области неопределённой и необъятной, несомненно более удобной для ораторской напыщенности, где спор разгорается до крайности, но не приносит никакой пользы.

Письма с печатью, составлявшиеся по приказу короля и подписывавшиеся им, всегда скреплялись подписью министра и запечатывались королевской печатью. Надпись на них неизменно указывала того или тех, кому они предназначались.

К месту назначения их доставлял полицейский чиновник, а довольно часто — военный офицер, смотря по значению лица, которого касалось это поручение.

Случалось также, что чиновник, доставлявший письмо, составлял своего рода протокол исполнения поручения, в начале которого переписывал самое письмо; внизу он предлагал получившему его лицу расписаться в получении, а в случае отказа делал об этом отметку.

Чаще всего письма с печатью предназначались для отправления их адресатов в ссылку либо для предписания какому-нибудь политическому собранию собраться, например штатам Бретани, либо для требования рассмотреть указанный вопрос, — необходимость в чём не раз возникала в отношении этих властей, присвоивших себе чужие права и по своей склонности к бесплодным поучениям волновавших государство пустыми показными спорами, слишком часто не имея специальных познаний о действительных интересах, отданных на их рассмотрение.

(1) Адвокат Монблен; один том формата ин-кварто, Амстердам, 1775.

(2) Написано в 1778 году в донжоне Венсенского замка, как говорит сам Мирабо, и напечатано в 1782 году; сочинение плохо написанное и значительно уступающее своей славе, хотя его и превозносят, но напыщенное, декламационное, чтение которого невозможно вынести.

Когда требовалось распорядиться о том, чтобы кого-либо забрали, арестовали или отвели в тюрьму, представителю власти вручали приказ короля, а тот докладывал лейтенанту полиции о его исполнении.

Письма с печатью, или приказы короля, не лишали возможности пользоваться гражданскими правами; это было установлено Парижским парламентом постановлением от 9 июня 1769 года (1), на основании заключения генерального адвоката Сегье, по делу госпожи Лушар, заключённой под стражу по письму с печатью.

Когда человек содержался под стражей по письму с печатью, в торговом суде не принимали требований о продолжении заключения, которые пожелали бы предъявить его кредиторы;

после отмены письма с печатью его нельзя было бы удерживать в тюрьме на основании подобных требований. (1) См. «Репертуар судебной практики», статью «Письмо с печатью».

Случалось даже, как в деле госпожи Лушар, что лица, заключённые под стражу по письмам с печатью или приказам короля, доказав несправедливость и ложность оснований, приводившихся для их ареста и содержания под стражей, добивались в обычном суде возмещения убытков от тех, по чьей вине они находились в заключении.

Злоупотребление письмами с печатью и приказами короля ощущалось даже при дворе. Когда г-н де Мальзерб был назначен министром королевского двора в 1774 году, он пожелал предпринять реформу в этом отношении. Говорят, он даже сумел склонить Людовика XVI на сторону своего проекта; однако он не желал лишать короля этого важного средства власти, но хотел подчинить его установленным правилам, которые могли бы предотвратить злоупотребления им. Каждое прошение о выдаче письма с печатью или приказа короля должно было рассматриваться советом, созванным для данного случая и состоявшим из докладчиков по прошениям, государственных советников и министра, к ведомству которого относилось прошение; там излагались бы доводы просителя, их обсуждали бы и, прежде чем принять решение, собирали бы сведения от обеих сторон по вопросам, представлявшимся сомнительными. Не имеет ли эта форма некоторого сходства с тем, чего г-н Деказ, тогдашний министр полиции, добился от палаты депутатов на сессии 1820 года, чтобы разрешить министрам пользоваться произвольными распоряжениями?

Проект г-на де Мальзерба встретил искренних и искусных противников. Предложенную полумеру представили как полное отрицание королевского права; король уже не мог быть прав во всех случаях, а оглашение обсуждений, пусть даже косвенное, должно было обнаружить скандалы, которые изобретение писем с печатью как раз и было главным образом призвано подавлять без шума. Министр оставил должность, прежде чем смог ответить своим противникам и осуществить свои замыслы, продиктованные справедливостью и свободой.

Однако необходимость внести некоторые изменения в эту область управления ощущалась; от этой мысли не отказались окончательно. Сочинения, появившиеся по этому вопросу, протесты парламентов и высших судебных палат произвели глубокое впечатление.

Министр королевского двора, барон де Бретей, не возвращаясь к либеральным идеям г-на де Мальзерба, занялся этим вопросом; ему представили несколько проектов, но он не остановился ни на одном из тех, которые затрагивали самую суть дела; он хотел урегулировать только применение писем с печатью, а не вводить ограничения или условия в отношении того, что делалось до тех пор.

Инструкции, которые он направил интендантам относительно того, как они пользовались приказами короля и письмами с печатью, уменьшили происходившее от этого зло. Его циркуляр от 15 октября 1785 года представляет собой примечательный документ в истории полиции; и не менее примечательно то, что интенданты довольно последовательно соблюдали содержащиеся в нём предписания (1). (1) Нижеследующая копия сделана с подлинника, который в некоторых сочинениях партийного характера был сокращён и искажён.

Копия циркулярного письма, направленного г-ном бароном де Бретеем, государственным министром, господам интендантам провинций его ведомства, относительно писем с печатью и

приказов о заключении под стражу.

«Версаль, 15 октября 1785 года.

«При сем вы найдёте, сударь, ведомость различных лиц вашего ведомства, содержащихся ныне под стражей в силу приказов короля, выданных на основании полученных от вас сведений и вашего мнения либо сведений и мнений господ ваших предшественников. Вы увидите, что некоторые из этих заключений продолжаются уже весьма давно: я нисколько не сомневаюсь, что среди них есть немало таких, которые пора прекратить, и прошу вас, не теряя ни минуты,

проверить их и указать мне, какие из них, по вашему мнению, следует отменить уже теперь и какие соображения заставляют вас полагать, что остальные должны сохранять силу.

«Я понимаю, что разнообразие причин заключения под стражу и различия, которые пол, возраст, происхождение и воспитание неизбежно создают между заключёнными, препятствуют установлению в этом деле неизменных правил, способных охватить вообще все обстоятельства; однако мне кажется, что всё же можно установить некоторые положения, под которые следует подвести наибольшее число случаев, если уж невозможно подвести под них все.

«Постоянное рассмотрение дел такого рода, ежедневно проходящих перед моими глазами, позволило мне убедиться, что лица, которых обычно заключают под стражу, делятся на три разряда.

«К первому относятся заключённые, разум которых помрачён и которых слабоумие делает неспособными жить среди людей либо безумие делает опасными. По отношению к ним речь идёт лишь о том, чтобы позаботиться об их состоянии, которое остаётся неизменным, и, к сожалению, необходимо продолжать их заключение до тех пор, пока не будет признано, что их свобода либо не причинит вреда обществу, либо не окажется бесполезным благодеянием для них самих.

«Ко второму разряду я отношу тех, кто, не нарушив общественного порядка преступлениями и не совершив ничего, что могло бы подвергнуть их суровым наказаниям, установленным законом, предался чрезмерному распутству, разврату и расточительству. Я полагаю, что, когда дело ограничивается дурным поведением и оно не сопровождается ни преступлениями, ни теми явными низостями, которые почти всегда приводят к преступлениям, заключение не должно продолжаться более одного или двух лет. Один или два года лишения свободы составляют весьма суровую меру исправления: этого должно быть достаточно, чтобы внушить благоразумные размышления и возвратить к добру душу, ещё не вполне развращённую. Семьи и даже отцы и матери, хотя они вообще более других родственников склонны к снисхождению, порой преувеличивают вину лиц, о заключении которых они ходатайствовали: и если слишком легко соглашаться на ту строгость, к которой они желали бы прибегнуть, нередко выходило бы, что назначают уже не исправительную меру, а настоящее наказание. Именно это крайне важно различать, и я прошу вас, сударь, никогда не упускать этого из виду.

«Когда, независимо от распутства, лица, содержащиеся под стражей, окажутся виновны в краже денег или в присвоении имущества исключительно в родительском доме либо допустят какие-либо проявления неверности или злоупотребления доверием, либо, наконец, ради добычания денег и удовлетворения своих страстей воспользуются такими неблагоприятными средствами, которые честность отвергает, но которые законы не карают, заключение должно быть более продолжительным. Я полагаю, однако, что оно никогда не должно длиться свыше двух или трёх лет и что даже одного года бывает достаточно, когда дело касается молодых людей моложе двадцати лет, увлечённых пылом возраста или сбивших с пути дурными советами и по неопытности не сумевших понять последствий и всей тяжести своей вины.

«К тому же второму разряду я отношу женщин и девушек, ведущих дурную жизнь, и к ним следует применять те же соображения, то есть, когда они виновны лишь в обыкновенных слабостях, одного или двух лет исправительного заключения достаточно и содержание под стражей не должно продлеваться до двух или трёх лет иначе как в тех случаях, когда распутство доведено до степени скандала и огласки.

«Третий разряд составляют те, кто совершил насилия, бесчинства, проступки или преступления, затрагивающие общественный порядок и безопасность, за которые правосудие, если бы эти дела стали ему известны, подвергло бы их мучительным и позорящим семью наказаниям. Я понимаю, что почти невозможно заранее установить что-либо относительно продолжительности заключения такого рода узников; она должна зависеть от более или менее тяжёлых обстоятельств преступления, от большей или меньшей жестокости виновного, от рас-

каения, которое он мог проявить, от обнаруженных им склонностей и от того, какого употребления своей свободой можно разумно ожидать от него, если она будет ему возвращена. Следует лишь принять во внимание, что, хотя верно, что заключённые за преступления должны вообще считать себя весьма счастливыми, избежав заслуженных ими наказаний, несомненно также, что пожизненное заключение и даже долгое лишение свободы есть самое суровое из всех наказаний для тех из них, чьи чувства ещё не вполне уничтожены или унижены.

«Впрочем, не только в отношении заключённых за преступления или проступки, но и в отношении всех узников, каковы бы ни были причины их заключения, следует принимать во внимание их поведение за время пребывания под стражей; и, независимо от прочих соображений, которые могут содействовать отсрочке или ускорению их освобождения, справедливо ставить его прежде всего в зависимость от того, как они себя ведут, от больших или меньших перемен, происходящих в них, и от того, чего можно будет опасаться или ожидать от них, когда они вновь обретут свободу.

«Желательно даже, чтобы в этом отношении вы не полагались всецело на свидетельства лиц, которым поручен надзор за заключёнными: я хотел бы, чтобы для личного удостоверения в этом вы во время своих объездов с особенным вниманием посещали места заключения вашего ведомства, будь то исправительные дома, религиозные обители, крепости или замки; сами расспрашивали заключённых и требовали в их присутствии отчёта обо всём, что их касается: я убеждён, что такие посещения, производимые раз в год в каждом месте заключения, принесли бы весьма добрые плоды; они позволили бы вам узнать не только о поведении заключённых, но и о том, как с ними обращаются; вы заслушивали бы их жалобы и представления, узнавали бы, соразмерны ли их питание и содержание плате, вносимой за них, каковы порядок и устройство каждого заведения, какие меры там принимаются для сохранения спокойствия среди заключённых, какие предосторожности соблюдаются для предотвращения побегов и, наконец, какие злоупотребления следовало бы непременно пресечь.

«Все эти подробности заслуживают внимания должностного лица; если вы не можете сами заниматься всеми исправительными домами, крепостями или замками вашего ведомства, вы могли бы по крайней мере посещать те, где содержится больше заключённых, а прочие поручить осматривать своим субделегатам или иным доверенным лицам, на точность которых, по вашему мнению, можно положиться. Прошу вас не забывать ежегодно сообщать мне о результатах этих посещений; вы не должны сомневаться, что я представлю о них весьма точный отчёт и предложу Его Величеству принять ваши соображения относительно перемен и преобразований, которые покажутся вам полезными или необходимыми.

«Вы, несомненно, понимаете, что, приглашая вас лично или через ваших субделегатов собирать сведения о поведении заключённых, я говорю лишь о тех, которые содержатся в домах, крепостях или замках вашего ведомства. Что касается тех, кто по вашему заключению или по заключению господ ваших предшественников содержится вне пределов вашего интендантства, я убеждён, что, обратившись к господам интендантам тех ведомств, в которых они находятся, вы получите все нужные вам сведения.

«До сих пор я упоминал только о заключённых, ныне содержащихся под стражей, в том числе и о внесённых в прилагаемую ведомость, судьбу которых теперь предстоит решить. Однако всё замеченное мною в отношении этих лиц, те же принципы и те же правила, которыми я счёл необходимым вообще руководствоваться при решении вопроса о том, следует ли отменять изданные против них приказы, представляются мне применимыми и к лицам, которых впоследствии ещё могут заключить под стражу.

«Поэтому, сударь, когда вы будете предлагать мне выдавать приказы, испрашиваемые семьями, прошу вас одновременно указывать, какой, по вашему мнению, должна быть продолжительность заключения, и я полагаю, что вообще, за исключением особых обстоятельств, которые могут возникнуть, она не должна превышать двух или трёх лет для мужчин, когда

речь идёт о распутстве и низком поведении, и для женщин, когда речь идёт о распутстве и скандале; и одного или двух лет, когда женщины виновны лишь в слабостях, а мужчины — лишь в дурном поведении и расточительстве.

«Прошу вас предлагать мне срок заключения даже для тех, кого будут обвинять в бесчинствах, проступках или преступлениях. Он должен, как я уже говорил, зависеть от обстоятельств, и вы, сударь, сможете их оценить.

«Что касается лиц, заключения которых будут просить по причине душевного расстройства, справедливость и благоразумие требуют, чтобы вы предлагали соответствующие приказы лишь после того, как судебным решением будет объявлено об их недееспособности, если только семья не в состоянии понести расходы на судебное производство, которое должно предшествовать объявлению о недееспособности. Но и в таком случае необходимо, чтобы просьба была общеизвестна и подтверждена весьма точными свидетельствами. Когда дело касается заключения несовершеннолетнего, даже ради исправления, в настоящее время представляется достаточным согласие отца и матери. Однако отцы и матери иногда бывают несправедливы, чрезмерно суровы или слишком легко поддаются тревоге, и я полагаю, что следует всегда требовать, чтобы по крайней мере двое или трое ближайших родственников подписали вместе с отцом и матерью записки, содержащие просьбу о выдаче приказов.

«Содействие родственников со стороны матери необходимо в тех случаях, когда мать умерла, и содействие обеих семей — когда отца уже нет; тем более необходимо оно, когда не осталось ни отца, ни матери.

«Наконец, следует с величайшей осмотрительностью принимать жалобы мужей на своих жён и жён на своих мужей; и именно в таких случаях обе семьи должны собираться вместе и официальным согласием разрешать обращение к власти.

«Эти принципы известны, и я знаю, что вообще ими всегда руководствовались. Но, кажется, я заметил, что иногда испрашивали приказы и что господа интенданты порой предлагали их в обстоятельствах, при которых, признаюсь вам, мне не кажется уместным их выдавать. Например, совершеннолетний человек, сам распоряжающийся своими правами и более не находящийся под родительской властью, по моему мнению, не должен подвергаться заключению даже по совместной просьбе обеих семей всякий раз, когда нет проступков, которые могли бы привлечь внимание прокуратуры и повлечь наказания, позор от которых, в силу одного весьма неразумного, но существующего предрассудка, падает на всю семью. В отношении поступков, в которых обвиняются лица, не зависящие ни от кого, действительно важно различать те, что причиняют их семьям лишь неприятности, и те, что подвергают их настоящему бесчестью. Несомненно, людям известного положения неприятно, и они справедливо чувствуют себя униженными, видя рядом с собой сестру или родственницу, чьи нравы непростойны и чьи любовные похождения и слабости ни для кого не тайна. Это, конечно, неприятно и для достойного семейства, и естественно, что оно не может равнодушно видеть, как в том же городе и даже в том же кантоне, где оно живёт, кто-либо из его членов унижает себя постыдным браком, разоряется безрассудными расходами или предаётся чрезмерному распутству и живёт в разврате. Но ничто из этого, как мне кажется, не представляет достаточно веских оснований, чтобы лишать свободы людей, которые, как говорят законы, вполне самостоятельны. Они поступают несправедливо лишь по отношению к самим себе; позор их бесчестного поведения падает только на них, их родственники его не разделяют и, по моему мнению, не имеют никакого права призывать к вмешательству власти.

«Таковы, сударь, размышления, которые внушило мне особое внимание, уделяемое мною всему, что касается приказов о заключении под стражу, с тех пор как король благоволил назначить меня государственным министром. Я доложил о них Его Величеству, который нашёл их согласными с одушевляющими его намерениями, продиктованными справедливостью и благодеянием. Он желает, чтобы от них отступали как можно реже; и, поскольку он знает, что

общественное мнение о правительстве складывается и утверждается прежде всего по тому, как употребляется его власть в отношении частных лиц, он счёл нужным, чтобы его намерения по этому предмету стали известны всем, кто в большей или меньшей степени непосредственно участвует в выдаче приказов. Поэтому он разрешил мне напечатать это письмо и послать вам некоторое число экземпляров, которые вы соблагovolите разослать своим субделегатам, дабы они могли проникнуться его духом и следовать ему, насколько позволят обстоятельства, при сборе и передаче вам сведений относительно просьб, подаваемых семьями.

«Имею честь быть, сударь, вашим весьма покорным и весьма послушным слугой.

«Подписал барон де Бретей».

Эта циркулярная рассылка говорит больше всего, что я мог бы прибавить по тому же предмету. Если при выдаче писем с печатью стали проявлять больше сдержанности, то приказами короля распоряжались едва ли менее расточительно. В управлении полицией г-н Ленуар широко ими пользовался, и число их жертв стало одним из первых предметов, привлёкших внимание Учредительного собрания. Оно назначило особый комитет для рассмотрения этого вопроса, и г-н граф де Кастеллан представил от имени этого комитета 30 февраля 1790 года доклад о мерах, которые следовало принять, чтобы без опасности освободить тех, кто томился в тюрьмах вследствие произвольных приказов прежнего правительства. Статья 10 декрета, изданного собранием 15 марта 1790 года, гласит: «Произвольные приказы, предусматривающие изгнание, или любые другие приказы того же рода, равно как и все письма с печатью, отменяются; впредь их больше не будут выдавать. Те, на кого они распространялись, свободны отправиться куда сочтут нужным».

Множество людей вновь обрели свободу; за короткое время исправительные дома и государственные тюрьмы опустели, в них остались лишь те, кто благодаря письмам с печатью и приказам короля избежал справедливого наказания за установленные и оставшиеся безнаказанными преступления или посягательства; лишь позднее, когда долгое и жестокое заключение было признано достаточным наказанием, власть вернула им свободу. Воздадим справедливость даже произволу; письма с печатью спасли жизнь людям, которых более строгое соблюдение законности отправило бы на смерть.

Письма с печатью и приказы короля немало способствовали бесчестию прежней полиции, поскольку позволяли легко осуществлять месть и служить низменным страстям; никто не видел добра, источником которого они иногда бывали, замечали лишь злоупотребления, многочисленные примеры которых полиция, впрочем, давала и в иных случаях.

К числу этих злоупотреблений относилось нарушение тайны переписки, о котором я уже говорил читателю.

ГЛАВА LIV

Комитет расследований Парижской коммуны, 21 октября 1789 года. — Убийство булочника Франсуа. — Причины учреждения комитета расследований. — Соображения о его назначении и полномочиях. — Его преследования министров. — Принц де Ламбеск, г-н де Барантен, де Брольи, де Безенваль. — Постановление относительно событий 6 октября. — Дело Фавраса. — Месье, брат

короля, в собрании коммуны. — Доклад г-на Ажье о лицах, подозреваемых в заговоре. — Упразднение комитета расследований.

Король Людовик XVI наконец обосновался в Париже после событий 6 октября 1789 года, когда дороговизна продовольствия дала предлог и повод для новых беспорядков, которые, по-видимому, были связаны с тайными замыслами овладеть революцией и вынудить короля бежать из столицы.

Следует заметить по этому поводу, что такой предлог, столь частый у нас, обычно предшествует великим катастрофам. Быть может, вместо произвола и неопределённости, господствующих в этих делах, следовало бы создать особое ведомство продовольствия для надзора за

производством и распределением съестных припасов. В вопросе, касающемся повседневной потребности, необходимо ясно видеть положение дел и, главное, предвидеть. Свобода, лишённая определённости, ведёт лишь к беспорядку.

Булочник по имени Франсуа подозревался в обмане и скупке товаров ради взвинчивания цен в своей торговле; его арестовали в его лавке и отвели в полицейский комитет в Ратуше; толпа силой вырвала его оттуда, протащила по Гревской площади до рокового фонаря; там его повесили; затем ему отрубили голову и пронесли её по Парижу на острие пики (1), 24 октября 1789 года. (1) Протокол представителей коммуны от 21 октября 1789 года.

Подобное преступление должно было встревожить порядочных людей, знавших, что преступление порождает преступление и что запах крови возбуждает жажду крови. Король и королевская семья находились в Тюильри; опасались новых насилий против них, которые вынудили бы их бежать из города, где подобные злодеяния оставались безнаказанными.

Хранитель печатей написал временному муниципалитету, чтобы тот распорядился разыскать виновников и подстрекателей. Муниципалитет принял соответствующее решение и обещал 20 000 франков всякому, кто выдаст исполнителей или зачинщиков убийства булочника Франсуа.

Но как их обнаружить? Как, выполняя просьбу короля, узнать тайных возмутителей, если они существовали, установить за ними наблюдение и предать их правосудию? Была выдвинута мысль о комитете общественной безопасности, и это было самое естественное предложение, какое только можно было сделать; генеральный совет коммуны принял его; и 21 октября 1789 года он издал постановление, в котором заявил, «что, будучи глубоко огорчён тем, что, несмотря на его обращения к жителям столицы с призывом не нарушать впредь общественное спокойствие восстаниями, столь же пагубными для отдельных лиц, как и для всего города, новые акты насилия и даже убийства всё ещё совершаются во время пребывания короля в его добром городе Париже и заседаний Национального собрания; считая своим долгом стремиться обнаружить отвратительные происки, к которым прибегают злонамеренные люди, чтобы исказить кроткий и человеколюбивый характер французского народа и побудить его к беспорядкам, обращающимся лишь против его собственных интересов, единогласно постановил учредить комитет расследований из числа своих членов, который ограничился бы, не обладая никакими административными полномочиями, приёмом доносов и показаний о происках, заговорах и тайных соглашениях, какие удастся обнаружить; при необходимости обеспечивал бы задержание лиц, на которых поступили доносы, допрашивал их и собирал документы и доказательства, какие удастся получить, чтобы составить из них материалы предварительного следствия. Вследствие этого коммуна назначила жребием комиссаров для исполнения вышеуказанных обязанностей».

Это постановление, подписанное мэром Байи, Блонделем, де Лавинем, Марше, председателем собрания представителей коммуны, а также секретарями Бертолио и Виже, было вывешено и объявлено в Париже. Вместо похвал, по меньшей мере бесполезных для голодных людей, которых страх увидеть свои семьи погибающими от последствий нехватки продовольствия делал неукротимыми и свирепыми, вместо комитета угроз, которому надлежало содержать определённый штат служащих, было бы проще и уместнее принять общие меры снабжения продовольствием; вместо этого открывали путь доносам и подавлению; однако эшафот и шпионаж не могут удовлетворить всех потребностей.

Комиссарами, назначенными по жребию в состав этого комитета, стали господа Ажье, Удар, Перрон, Лакретель (старший), Гарран де Кулон и Бриссо де Варвиль.

Господа Гарран де Кулон, Ажье и Бриссо де Варвиль проявили наибольшее усердие и деятельность в этом новом органе власти. Их имена настолько известны, что я не стану останавливаться на изложении отдельных обстоятельств, касающихся каждого из них.

Как видно, их обязанности относились одновременно к тайной, или административной, полиции и к судебной полиции; они могли принимать доносы, арестовывать подозреваемых, допрашивать их, составлять протокол первоначального расследования и направлять обвиняемых в суды. Именно в Шатле передавались обвинения в заговорах и преступлениях против нации.

По мере того как деятельность комитета приобретала всё большее значение, он становился предметом самых резких протестов со стороны противников революции; несколько произвольных действий, а также ненависть, которую обычно питают к политическому шпионажу, дали основания выступать против него. Неосторожный поступок комитета, который, среди прочего, распорядился арестовать госпожу де Жюмийак, удалившуюся в одно из своих поместий, и заставил её предстать перед ним для ответа на легкомысленные доносы, дал недовольным повод осыпать комитет насмешками и навлечь на него ненависть. Г-н де Клермон-Тоннер принадлежал к числу наиболее громких его обличителей; он нападал на его членов и осыпал их самыми оскорбительными прозваниями; сам комитет, по словам этого пылкого депутата, был не чем иным, как организованной тиранией; однако г-на де Клермон-Тоннера возмущали не столько комитет и его произвольная власть, сколько сама цель его учреждения. Всё, что имело целью защищать революцию, должно было производить такое действие на представителей знати, одним из самых выдающихся среди которых он был; поэтому его жалобы и протесты затерялись во множестве мнений, вызванных новым порядком вещей. Между тем Бриссо де Варвиль пожелал защитить комитет; он ответил г-ну де Клермон-Тоннеру и опроверг его брошюру. Он старался показать, что без полномочий, которыми был наделён комитет, и без произвольных действий, которые тот себе позволял и к которым в некоторой степени был вынужден прибегать ради выполнения своей миссии, невозможно было бы добиться сколько-нибудь полезных результатов в розыске подстрекателей и подавлении беспорядков, на которые г-н де Клермон-Тоннер жаловался больше всех. Эти доводы не всем показались одинаково убедительными, и за названием комитета расследований навсегда сохранился оттенок инквизиции, который так и не исчез.

Среди способов, к которым он прибегал ради достижения цели своего учреждения, я должен упомянуть расследование, которое он распорядился провести и провёл относительно виновников того, что он называл заговором, подготовленным двором против города Парижа в июне и июле 1789 года.

Документы, которые он представил по этому случаю против господ де Барантена, хранителя печатей, Безенваля, Брольи и других лиц, названных соучастниками этого заговора, произвели сильное впечатление на публику и помогли прояснить общественное мнение относительно происков, в которые в ту пору вовлекали короля и правительство (1). (1) Лицам, которые пожелали бы ознакомиться с этими документами и другими подлинными актами комитета расследований, предлагается обратиться к «Монитёру» за 1789 и 1790 годы, где автор настоящих «Мемуаров» поместил их.

Но одна из важнейших его операций относится к розыску виновников и выяснению обстоятельств событий предшествующего 6 октября, поскольку события 5-го числа были сочтены лишь народным волнением, которое не показалось ему преступным. Постановление, принятое им по этому поводу, характеризует его назначение и его мнение о событиях в Версале; это исторический документ, который я должен здесь привести.

«Комитет расследований, — говорится в нём, — намерен предать огласке отвратительное злодеяние, осквернившее Версальский дворец утром во вторник 6 октября, злодеяние, орудием которого послужили лишь разбойники, подстрекаемые тайными происками и смешавшиеся с гражданами. Комитет не станет напоминать о бесчинствах, которым предались эти разбойники и которые они, несомненно, умножили бы, если бы их не остановили национальные войска, предназначенные пресекать беспорядки и обеспечивать спокойствие короля

и Национального собрания. Повсюду царили спокойствие и согласие; говорили только о признательности, любви и братстве, когда между пятью и шестью часами утра во вторник шайка вооружённых разбойников, сопровождаемых несколькими женщинами, внезапно ворвалась во дворец через внутренние проходы сада, одолела лейб-гвардейцев, стоявших на часах внутри дворца (1), взломала двери, устремилась к покоям королевы и перебила нескольких гвардейцев, охранявших её безопасность; разбойники проникли в эти покои, которые Её Величество едва успела покинуть, чтобы укрыться у короля. Ярость этих убийц была обуздана лишь национальными гвардейцами, которые, узнав об этом побоище, поспешили со своих наружных постов, чтобы отбросить нападавших и вырвать из их рук других лейб-гвардейцев, которых те собирались умертвить. (1) Если верить г-ну маркизу де Ферьеру, депутату от дворянства Анжерского баляжа, г-н де Лафайет, командовавший национальной гвардией, прибывшей из Парижа, предложил королю, и настоятельно просил его, поручить охрану внутренних постов дворца гренадерам национальной гвардии. Король отказался и пожелал, чтобы это были лейб-гвардейцы. «Мемуары Ферьера о Революции», том I.

Позволительно поэтому сомневаться, что, если бы король своевременно высказал такое желание, гренадеры национальной гвардии отразили бы разбойников; одного их присутствия оказалось бы достаточно, чтобы подавить беспорядок. Когда же он достиг своего предела, было уже поздно.

«Комитет, полагая, что столь ужасные покушения, если они останутся без преследования, запятнают честь столицы и французское имя неизгладимым пятном, считает, что господин прокурор-синдик должен, в силу поручения, данного ему представителями коммуны, и продолжая доносы, ранее сделанные на основании тех же полномочий, заявить о вышеупомянутых покушениях, а также об их исполнителях, подстрекателях и сообщниках и обо всех тех, кто денежными обещаниями или иными происками возбудил и побудил их к совершению этих действий.

«Постановлено означенным комитетом 25 ноября 1789 года.

«Подписали: Ажье, Перрон, Удар, Гарран де Кулон и Бриссо де Варвиль».

Я вовсе не скрывал ни жалоб, вызываемых этим комитетом, ни произвольных действий его полиции; но, повторяю, разве мог он исполнить свою миссию? Разве мог он изобличать и предавать судам виновников и сообщников бесчинств, совершённых в Версале 6 октября, не прибегая к дознаниям, розыскам и своего рода шпионажу? Если перед некоторыми обвинителями, чьи придирки больше касаются формы, чем существа дела, и которые желали бы, чтобы применение силы сопровождалось известной умеренностью, признать, что эта несостоятельность не извиняет и не оправдывает всего неправильного в действиях комитета расследований, то это всё же важное соображение, которое должно смягчить странные обвинения, обращённые против него. Само его учреждение предполагало его действия, а его действия — злоупотребления; но у нас всегда возмущаются, видя, как принцип порождает свои последствия: мы умеем лишь разглагольствовать, а предвидеть не умеем.

Когда обстоятельства и состояние общественного мнения перестали делать его деятельность необходимой, председатель комитета явился объявить генеральному совету коммуны (5 октября 1791 года), что его работы окончены; вследствие этого генеральный совет постановил: 1° что комитет прекратит исполнение своих обязанностей; 2° что составленные описи дел и сами бумаги будут переданы в департамент полиции; 3° что комитету будет выражена благодарность за усердие и благоразумие, с которыми он исполнял самые тягостные обязанности.

«Подписали: Байи, мэ; Руайе, помощник секретаря-регистратора (1)». (1) Последний есть достопочтенный г-н Руайе-Коллар, несменяемый член палаты депутатов, который в наши времена неопределённости всегда являлся для людей, связанных со всеми правительствами и желающих приобщить их к прогрессу страны, представителем духа высокой демократии. Его рассчитанная сдержанность и пророческие появления придавали ему значение, на которое он,

несомненно, имел полное право по своему характеру, хотя его мысль так и не получила вполне ясного распространения. Мы полагаем, что он способен на гораздо большее, и сожалеем, видя, как его влияние бледнеет после столь ярких вспышек; это было бы печальным обвинением конституционной системе, в которой самые прекрасные силы падают и исчезают, после того как на мгновение выступили на первый план, уступая место другим, обладающим тем же блеском, той же бесполезностью и той же участью. (Примечание Ж. Пёше.)

В качестве одной из властей Парижа комитет расследований Парижской коммуны пользовался своим могуществом, предавая судам нескольких лиц, обвинявшихся в заговорах или тайных замыслах против государства.

Г-н Ажье, ныне член королевского суда и палаты депутатов, уже 30 ноября 1789 года представил общему собранию представителей коммуны отчёт об этом; его доклад был напечатан по распоряжению собрания.

Комитет расследований коммуны, как видно из этого доклада, донёс в суд Шатле, которому было поручено преследовать виновников заговоров против революции, прежде всего на г-на де Ламбеска; пятнадцать свидетелей были допрошены; все они давали показания об убийстве, совершённом этим принцем в Тюильри; но, поскольку эти показания не показались ему достаточными, комитет продолжил розыски: двадцать пять новых свидетелей подтвердили показания первых. Кроме того, комитет узнал, что г-н де Ламбеск, которого считали виновным лишь в насилиях, совершённых в Тюильри над одним стариком, обвинялся также в том, что рубил саблём других людей и даже стрелял в некоторых из них из своих пистолетов. Принц де Ламбеск вызывал всеобщую ненависть. Свирепость, дерзость и грубость этого военного начальника и придворного возмутили публику.

Второе судебное дело, возбужденное в Шатле по доносу комитета, касалось барона де Безенваля, которого после долгого разбирательства судьи Шатле не без труда оправдали. Расследование коснулось также господина де Барантена, хранителя печатей до 14 июля; графа де Пюизегюра, некоторое время стоявшего во главе военного министерства; маршала де Бройля, командовавшего войсками, окружавшими Париж; маркиза д'Отишана, генерал-майора этой армии; наконец, господина Ожара, подготовившего план и составившего маршрут бегства короля и его отступления к Мецу 14 июля.

Г-н Ажье затем обращается к вопросу об ответственности министров, на которых были поданы доносы, и старается опровергнуть мнение тех, кто утверждал, что, исполняя приказы в пределах своих обязанностей, они не подлежали преследованию и что декрет, возложивший на них ответственность, был принят лишь 15 июля 1789 года, то есть после событий, а потому обвинения против них недопустимы.

«Мы полагаем, однако, — говорит г-н Ажье, — что, несмотря на дату декрета и отсутствие его торжественного обнародования, эти представители власти не менее виновны в том, что исполнили полученные ими суровые приказы; что ответственность была лишь провозглашена, но не установлена декретом от 13 июля; что она основывается на прежних законах и вытекает из самой природы общественного договора. Следовательно, гражданские и военные должностные лица ставили себя выше законов, ссылаясь на полученные ими приказы». Ссылаться на саму природу общественного договора значило подчинять ответственность представителей власти ещё совсем иным спорам.

Затем докладчик сетует на недостаток средств, испытываемый комитетом при исполнении своей миссии. «Мы были лишены, — говорит он, — достаточного числа наблюдателей, своего рода армии, состоявшей в распоряжении прежней полиции и столь широко ею использовавшейся. Если бы все дистрикты были хорошо организованы, если бы их комитеты были хорошо подобраны и немногочисленны, у нас, вероятно, не было бы оснований сожалеть об отсутствии ненавистного средства, которое наши угнетатели так долго применяли против нас».

Превратить шпионаж и пожелать сделать его сразу общенациональным — значит ни больше ни меньше как уничтожить частную жизнь и её покровы ради просвещения общественной жизни. Для этого нужно было бы найти способ повсюду поставить корпоративный дух выше семейного духа; задача, достойная того, чтобы привести в отчаяние рассуждения тех, кто действительно заслуживает имени законодателей!..

Г-н Ажье возражает здесь против того, что называет ложной щепетильностью. «От прежних нравов, — говорит он, — у нас сохранился предрассудок, заставляющий краснеть при необходимости открыто заявить о том, что нам известно, даже когда дело касается спасения отечества. Позвольте мне сказать, — прибавляет он, — что пора отказаться от этих предубеждений. Прежде имя доносчика внушало ужас, и для этого были основания; ибо к чему приводили доносы? К тому, что они часто делали известными весьма невинные, подчас даже добродетельные поступки и отдавали предполагаемого виновного во власть произвола и правосудия, почти столь же грозного для порядочных людей; это правосудие, пристрастное в своих расследованиях, жестокое в своих средствах, тайное и непроницаемое в своём движении. Сегодня всё переменилось: речь идёт уже не о добродетельных поступках или безразличных действиях, которые следует доносить, а о заговорах, губительных для отечества. Какова цель доносов? Не тайно погубить человека, на которого донесли, и не скомпрометировать само его существование, но поставить его перед равными ему, чтобы его немедленно подвергли разбирательству, оправдали, если он окажется невиновен, а в противном случае передали правосудию гуманному, публичному, беспристрастному, которое может быть страшным лишь для злодеев. Молчание в делах доноса есть добродетель при деспотизме; оно становится преступлением при господстве свободы».

Это учение, слишком опасное, слишком благоприятное тирании, чтобы быть принятым, было, вопреки всему, что мог сказать г-н Ажье, всеобщим образом отвергнуто публикой и его коллегами. Именно во время политических смут, говорили, оно особенно губительно, и слишком много примеров это доказывают. То, что одна партия называет добродетелью, мужеством, другая именует изменой; один человек на следующий день становится виновным за поступок или слова, которые накануне принесли ему венец. Донос о преступлениях в обществе едва терпим, несмотря на гарантии, предоставляемые обвиняемому учреждением суда присяжных, гласностью производства и участием защитника. Но что сказать о доносе, касающемся политических преступлений, по существу изменчивых, неясных, столь подверженных прихотям власти? Разве он сам по себе не есть преступление, опасность, которую следует отвергнуть, и разве Тацит не был прав, причисляя его к самым позорным отличиям придворных Тиберия?

Впрочем, нельзя упорядочить шпионаж посредством более или менее ловко составленных рассуждений против злоупотребления щепетильностью. У этой щепетильности есть и всегда будут свои злоупотребления, как и у всего остального. Все партии, будучи подвержены свойственной им слепоте, считают себя единственными представителями отечества; все объявляют себя добродетельными, справедливыми и добрыми; ничто не кажется им более подозрительным, чем то, что их противники не оказывают им поддержки. Перед лицом их многочисленных бесчинств и разнообразных возмездий беспристрастность состояла бы в том, чтобы оправдать их все или осудить их все. Честь и добродетель в самом деле суть слова, которые все они один за другим жестоко обращали на службу ненависти и мести. Нам хотелось бы видеть у них немного меньше этой беспощадной чести и этой кровожадной добродетели и узнавать в них больше человечности; вот всё, о чём остаётся просить, перелистывая их летописи.

Среди дел, относящихся к обязанностям комитета расследований коммуны, нельзя обойти молчанием раскрытие и изобличение заговора маркиза де Фавраса или, вернее, замысла, который этот человек, безоглядно увлечённый роялистским воодушевлением, составил в интересах королевской семьи и в котором приняли участие, но с общеизвестным малодушием, некоторые лица, назвать которых тогда не позволили важные соображения. Фаврас стал

жертвой своего усердия и своего неблагоразумия; но комитет строго исполнил свой долг, приказав арестовать его; ибо задуманная маркизом де Фаврасом попытка, для которой он рассчитывал на могущественное вмешательство, могла немедленно повлечь плачевные последствия, предотвращённые его арестом. Итак, я изложу начало и исход этого дела; добавлю несколько обстоятельств, точность которых могу удостоверить лично, поскольку сам был одним из свидетелей тогдашних событий.

В публике смутно знали, что был арестован автор заговора, целью которого было захватить или устранить мэра Парижа и главнокомандующего и облегчить королю бегство. Неопределённый слух называл Месье, брата короля, главой этого своего рода заговора. Люди, осведомлённые о происходившем, об интригах и тайных попытках недовольных роялистов, располагали относительно этого замысла сведениями, которые не позволяли сомневаться в том, что принц действительно осторожно содействовал его исполнению. Поскольку для оплаты расходов на набор людей или подкуп некоторых начальников требовалось иметь весьма значительные средства наличными, условились, что под предлогом погашения задолженности своего дома Месье займёт несколько миллионов, а маркиз де Фаврас возьмётся договориться об этом с наиболее состоятельными нотариусами.

Но, хотя эти слухи приобретали некоторую определённость благодаря другим обстоятельствам и тому, что было известно о замыслах придворной партии, подлинная сущность дела оставалась неизвестной; и прежде всего участие Месье в заговоре подвергалось сомнению, когда на заседании 26 декабря 1789 года было получено письмо от Месье следующего содержания. Оно было адресовано председателю собрания:

«Прошу вас, сударь, предложить господам представителям коммуны собраться сегодня вечером на чрезвычайное заседание, поскольку я желаю сообщить им о деле, которое меня касается. Будьте вполне уверены, сударь, в моём к вам уважении.

«Подписал: Станислас Ксавье».

Г-н де Мессемей, председательствовавший в собрании, дал от его имени следующий ответ:

« Монсеньор,

« Я прочёл генеральному собранию представителей коммуны письмо, которым Месье удостоил меня; оно поручило мне иметь честь заверить Месье в своём усердии заняться тем, что может его интересовать; оно соберётся сегодня вечером в шесть часов и будет ожидать, чтобы Месье сообразовал сообщить ему свои намерения.

« Пребываю с глубочайшим почтением, монсеньор, вашим покорнейшим и послушнейшим слугой.

« Подписал: де Мессемей,

« Председатель генерального собрания представителей коммуны ».

Я присутствовал при чтении этого ответа, и мне было нетрудно заметить, что, хотя члены собрания чувствовали, как их самолюбие было польщено этим своеобразным обращением к ним принца по делу, которое его интересовало, некоторые выражения ответа, показавшиеся слишком подобострастными, вызвали всё же кое-какой ропот. Но г-н де Мессемей был директором книжного ведомства; он был придворным человеком и не считал возможным употреблять в письме к брату короля менее почтительные выражения. Этот тон возоблада.

Весь Париж узнал, что Месье вечером явится в коммуну, чтобы оправдаться от обвинения в измене, связанного с делом де Фавраса: именно такое выражение употребляли. Из речи, произнесённой принцем, мы увидим, до какой степени публика могла испытывать тревогу и желать узнать исход вечернего заседания.

Оно открылось в шесть часов, и зал уже был полон; председательствовал г-н мэр. При открытии он предложил назначить депутацию, чтобы встретить Месье при его входе в ратушу; по предложению г-на мэра собрание избрало для неё двенадцать своих членов; ими стали

господа де Мессемей, председатель, Лурде, Селье, Феррике, де Семонвиль, де Кондорсе, дез Эссар, Даваль, де Сантёй, Бартолио, де Френ и Калло.

В ту минуту, когда собранию сообщили о прибытии Месье, депутаты отправились ему навстречу; когда его ввели, он занял кресло, приготовленное для него справа от г-на мэра. При принце не было никого из его гвардейцев, а внутренние двери зала были поручены городской страже, которая ещё не была упразднена, как это произошло позднее. Раздались многочисленные аплодисменты не только со стороны собрания, но и с галерей. Этот лестный шум, по-видимому, придал Месье уверенность, которой у него, быть может, не было при входе. Сидя с непокрытой головой, он произнёс следующую речь:

« Господа,

« Желание опровергнуть чудовищную клевету приводит меня к вам. Г-н де Фаврас был позавчера арестован по распоряжению вашего комитета расследований, и сегодня с нарочитым усердием распространяют слух, будто меня связывают с ним тесные отношения. Как гражданин города Парижа, я счёл своим долгом лично сообщить вам о тех единственных отношениях, в которых я знаком с г-ном де Фаврасом.

« В 1772 году он поступил в мою швейцарскую гвардию; он вышел из неё в 1775 году, и с тех пор я с ним не разговаривал. Уже несколько месяцев я лишён возможности пользоваться своими доходами; обеспокоенный значительными платежами, которые мне предстоит произвести в январе, я желал исполнить свои обязательства, не обременяя государственной казны. Для этого я задумал отчуждить долговые обязательства на необходимую мне сумму; мне представили, что заём будет менее обременителен для моих финансов. Г-н де Фаврас около пятнадцати дней назад был назван мне г-ном де Ла Шатром как человек, способный устроить заём через двух банкиров, господ Шомеля и Сарториуса. Вследствие этого я подписал обязательство на 2 000 000 — сумму, необходимую для исполнения моих обязательств в начале года и для оплаты расходов моего дома; и, поскольку это дело касалось исключительно финансов, я поручил своему казначею заниматься им. Я не видел г-на де Фавраса, не писал ему и не имел с ним никаких сношений. То, что он сделал, мне, впрочем, совершенно неизвестно.

« Однако, господа, вчера я узнал, что в столице усердно распространяли листок, составленный в следующих выражениях:

« Маркиз де Фаврас (Королевская площадь) был арестован вместе с госпожой своей супругой в ночь с 24-го на 25-е за замысел набрать тридцать тысяч человек, чтобы убить г-на де Лафайета и городского мэра, а затем лишить нас подвоза продовольствия. Месье, брат короля, стоял во главе.

« Подписал: Барауз ».

« Вы, без сомнения, не ожидаете от меня, чтобы я унизился до оправданий от столь низкого преступления; но в такое время, когда самая нелепая клевета легко может заставить смешать честнейших граждан с врагами революции, я счёл, господа, своим долгом перед королём, перед вами и перед самим собой изложить все подробности, которые вы только что услышали, чтобы общественное мнение ни на мгновение не осталось в неопределённости. Что касается моих личных убеждений, я буду с доверием говорить о них своим согражданам. С того дня, когда во втором собрании нотаблей я высказался по основному вопросу, всё ещё разделявшему умы, я не переставал верить, что готовится великая революция; что король по своим намерениям, добродетелям и высочайшему положению должен стоять во главе её, поскольку она не могла быть благоприятной для нации, не будучи в то же время благоприятной для монарха; наконец, что королевская власть должна стать оплотом национальной свободы, а национальная свобода — основанием королевской власти.

« Пусть назовут хотя бы один мой поступок, хотя бы одну мою речь, опровергающие эти начала, показывающие, что при каких-либо обстоятельствах, в которых я оказывался, счастье короля и счастье народа переставали быть единственным предметом моих мыслей и желаний.

До тех пор я имею право, чтобы мне верили на слово; я никогда не менял ни убеждений, ни принципов и никогда их не изменяю ».

Многочисленные аплодисменты возобновлялись всякий раз, когда Месье, отказываясь от своих титулов, чтобы именовать себя лишь гражданином города Парижа, тем самым, казалось, показывал, какое значение он придаёт мнению коммуны. Это была с его стороны остроумная уловка, которая вполне ему удалась. Впоследствии он доказал, что при случае недостатка в остроумии не испытывал. Впрочем, он говорил с большой уверенностью, тоном человека, уверенного в своей невинности и ничуть не боящегося расследований. Всё собрание присоединило свои аплодисменты к аплодисментам публики и присутствовавших посторонних.

Когда Месье положил письменный текст своей речи на стол г-на мэра, тот обратился к нему со следующей речью:

« Месье,

« Представителям Парижской коммуны доставляет большое удовлетворение видеть среди себя брата любимого короля, короля — восстановителя французской свободы. Августейшие братья, вы соединены одинаковыми чувствами. Месье проявил себя первым гражданином королевства, проголосовав за третье сословие во втором собрании нотаблей; он был почти единственным, кто придерживался такого мнения, во всяком случае вместе с очень небольшим числом друзей народа, и присоединил достоинство разума ко всем своим прочим званиям и к уважению нации. Итак, Месье — первый творец гражданского равенства; сегодня он подаёт новый его пример, приходя смешаться с представителями коммуны, среди которых он, по видимому, желает, чтобы его ценили лишь за патриотические чувства; эти чувства заключены в объяснениях, которые Месье соблаговолил дать собранию. Принц предупреждает общественное мнение, гражданин дорожит мнением своих сограждан, и от имени собрания я приношу Месье дань уважения и признательности, которую оно обязано воздать его чувствам, чести его присутствия и особенно тому значению, какое он придаёт уважению свободных людей ».

Заметили, что эта речь, впрочем довольно бедная мыслями, не содержала ничего, из чего можно было бы заключить, будто собрание убеждено в невинности Месье по делу, о котором шла речь, — вопрос, несомненно, щекотливый, но который г-н Байи мог бы затронуть, не связывая себя никаким суждением, если бы сделал это искусно. Он воздержался от этого либо потому, что счёл это бесполезным, либо потому, что усмотрел здесь нечто опасное.

После того как мэр произнёс речь, он в присутствии Месье прочёл объявление полицейского департамента о том, что ведутся поиски автора чудовищного обвинения, подписанного именем Барауз, дабы предать его суду. Он добавил, что главнокомандующий г-н де Лафайет приказал арестовать нескольких лиц, подозреваемых в распространении клеветнической бумаги, на которую жаловался Месье. Тогда г-н де Лафайет, взяв слово, сказал, что действительно, узнав накануне около четырёх часов пополудни, что этот листок принесли в один из клубов Пале-Рояля и что с него сняли копии, он отдал по этому поводу распоряжения; и что человек, переписавший записку, тот, кто её продиктовал, и тот, кто её написал, находятся в руках комитета расследований.

Тогда Месье вновь взял слово и с выражением человека, проникнутого благодарностью и тронутого только что услышанным, обратился к собранию с такими словами: « Долг, который я только что исполнил, был мучителен для моего сердца, но чувства, которые собрание только что мне выразило, вознаградили меня; и теперь мои уста должны открыться лишь для того, чтобы просить помилования тем, кто меня оскорбил ».

После этих слов принц сошёл со своего места и пересёк зал среди аплодисментов и выражений удовлетворения, которые не мог не вызвать его поступок.

Как только в зале восстановилась тишина, приступили к обсуждению того, что следовало предпринять в связи с жалобой Месье. Выслушав нескольких членов, которые рассуждали вздорно или говорили вещи, свидетельствовавшие скорее о низкопоклонстве, нежели о

чувстве справедливости, собрание приступило к голосованию, и было постановлено поручить прокурору коммуны от имени коммуны представить в суд донос на бумагу, подписанную именем Барауз, и на других причастных.

Но примечательным здесь оказалось предложение одного из членов, г-на де Сессеваля, постановить, чтобы комитет расследований не мог подавать никаких доносов от имени представителей коммуны, не сообщив предварительно об этом собранию. Предлагалось ли это, чтобы получить возможность пресекать доносы, неблагоприятные для Месье, или, напротив, чтобы поддержать комитет расследований в его тяжёлых розысках и преследовании виновных? Речь г-на де Сессеваля не дала на этот счёт определённого ответа. Казалось, его единственной целью было в этом столь важном деле, как и во всех делах, порученных комитету, обязать его не подавать от имени коммуны никаких доносов, которых она предварительно не одобрила бы.

Подобное обсуждение не могло не быть долгим и горячим; но, тщательно всё взвесив, собрание решило, что нет оснований выносить постановление и что деятельность комитета расследований будет и впредь регулироваться тем решением, которым он был учреждён.

Последние следы преданности Фавраса исчезли вместе с его казнью. Напрасные доносы унизили бы его характер; он сумел умереть!

ГЛАВА LV.

1799. — КОРОЛЕВСКАЯ КОНТРПОЛИЦИЯ. Высшие и рядовые агенты контрполиции: господа Гайд де Нёвиль, шевалье де Куаньи, де Ларю, Дюпейрон, аббат Бодар. — Чёрный флаг на колокольне церкви Мадлен. — Реорганизация контрполиции. — Её расходы. — Наблюдение за аббатом Сийесом. — Обзор действий контрполиции. — Разграбление дилижансов. — Проект шуанского восстания в Париже. — Сведения о лицах, пригодных для руководства контрполицией. — Господа де Барантен, Журдан (из департамента Буш-дю-Рон), Катрмер (де Кенси), Руайе-Коллар, Фьеве. — Рассеяние агентов контрполиции. — Захват переписки в Кале в месяце флореале VIII года.

Если следовать хронологическому порядку, этой главе здесь не место; но я пишу не историю, я рассказываю о фактах, материалы о которых находятся у меня под рукой. События, относящиеся к революционной полиции, будут изложены позднее.

Пока Центральное бюро осуществляло надзор в столице, а министр общей полиции занимался теми же политическими заботами в более широком масштабе, по всей Франции, тайные агенты принцев параллельно организовали контрполицию, целью которой, разумеется, было возбуждать волнения в королевстве, поддерживать дух вражды к существующему правительству и делать всё, что могло бы ему противодействовать и вредить.

Наиболее заметными среди руководителей были господа шевалье де Куаньи, Гайд де Нёвиль, де Ларю, аббат Годар, Дюпейрон, известный под именем Маршан.

Шевалье де Куаньи, долгое время живший в Англии при французских принцах, был одним из первых агентов этого предприятия. Г-н Гайд де Нёвиль, связанный с вандейскими вождями, присоединился к нему позднее. Именно он в ночь с 20 на 21 января 1799 года распорядился водрузить чёрный флаг на колокольне церкви Мадлен, на кладбище которой был погребён Людовик XVI; эта демонстрация должна была прежде всего воздействовать на умы и дать ловким людям возможность высматривать и вербовать новых сторонников в пору возбуждения, вызванного столь дерзким театральным эффектом. Г-н Гайд де Нёвиль отдавал распоряжения и доставлял средства, необходимые для деятельности этой организации.

Г-н Дюпейрон, который во времена Конвента исполнял дипломатические поручения при министре иностранных сношений Лебрене, руководил передвижениями агентов и исполнением мер, предписываемых главой организации.

Как ни деятельна была королевская контрполиция, тайна сохранялась столь хорошо, что правительство долгое время не могло раскрыть нити заговора и схватить его участников; оно не знало ни применявшихся средств, ни замыслов, которые, впрочем, можно было с достаточным

основанием предполагать, пока бегство некоторых из них в Англию, и особенно г-на Гайда де Нёвиля, который едва не был арестован, не отдало в руки правительства все бумаги агентства; они были захвачены в Кале в месяце флореале VIII года (апреле и мае 1800 года) и отправлены консулам. После голода самый коварный из всех советчиков — страх. Заговорщикам, не умеющим доводить своё дело до конца, никогда не следует вступать в заговор. Два главных меморандума, найденных среди этих бумаг и написанных рукой Дюпейрона, проливают яркий свет на то, что делалось и что намеревались сделать.

В одном из них, озаглавленном «Учреждение контрполиции», предлагалось сохранить уже существовавшее устройство, но внести в него изменения, способные сделать действия агентов более надёжными и правильными. «Нужно, — говорил Дюпейрон, — сохранить и усовершенствовать то, что уже существует, но вместе с тем положить конец тому, что было предоставлено произволу агентов. Нужна более правильная организация, благодаря которой известные или тайные руководители контрполиции найдут, что их безопасность неотделима от безопасности всех остальных. Маршан (Дюпейрон) в состоянии осуществлять эту службу. Он уже руководил тайной полицией Парижа в то время, когда Жиронда боролась против Паша и Коммуны».

Дюпейрон требовал двести луидоров в месяц на расходы своего учреждения. Эти расходы показали руководителям слишком большими, и его план не был принят.

В ту пору роялистов обирали в широких размерах, и расходы английского кабинета, поистине громадные, породили в головах глупцов нелепый предрассудок: будто малейшие волнения у нас непременно происходили одновременно с поступлением английских гиней. Однако эти гиней сюда не доходили. Мошенники всех разрядов соперничали между собой вокруг главных деятелей партии, подталкивали их к займам, обещали золотые горы, набивали карманы экю, тщеславно приписывали себе народные волнения тех дней и весело проводили время под предлогом околдовывания патриотов. Некоторых из них гильотинировали за их собственные речи, хотя они не были ни столь уж неисправимо глупы, ни столь уж неисправимо злодейственны. Не один невинный, выдававший себя за зачинщика беспорядков перед доверчивыми людьми из различных роялистских кружков, был отправлен на эшафот шпионами генерального комитета. При строгом рассмотрении вся эта эпоха способна отбить охоту ниспровергать государства: настолько изобретательной оказывалась двуличность ярмарочных нравов в поисках средств к существованию. Но время от времени людям надоедало давать эти средства; и такие приступы усталости, как и противоположные проявления снисходительности, часто приходились совсем некстати.

Однако службу, которую считали полезной для королевского дела, прекращать не желали; прошло некоторое время, после чего Дюпейрон изменил свой проект и изложил подробности в новом меморандуме «О службе контрреволюции», датированном 18 нивоза VIII года.

В нём он заявляет, что при системе экономии, которую намерены временно принять, он не сможет ни держать дозор при штабе в Париже, ни организовать небольшой почтовый пост; тем не менее, ожидая возможности сделать больше, он гарантирует: 1° ежедневно получать из Центрального бюро полицейские донесения; 2° узнавать о доносах, которые будут там подаваться на роялистов; 3° знать, каких лиц полиция возьмёт под наблюдение; 4° своевременно получать сведения обо всех ордерах на арест, которые предполагается выдать против лиц, преданных делу, и 5° следить за лицами, список которых будет ему вручён.

Этот план был окончательно принят. Таким образом, Центральное бюро стало тем пунктом, куда сходились наблюдение и контрполиция Дюпейрона. Он желал, как видно, чтобы люди, которыми не пользовались и за которыми, однако, наблюдала полиция республики, пользовались защитой полиции, которой он руководил. «В этом отношении, — говорит он, — необ-

ходимо, чтобы г-н Гайд де Нёвиль пришёл со мной к соглашению, дабы мы сообща обсудили средства, которые покажутся нам наиболее соответствующими интересам нашего дела».

Таким образом, контрполиция прикрывала своим щитом всех врагов правительства; щит этот был с прорехами, и всякий раз при неудаче говорили, что лишь какое-нибудь отдельное обстоятельство либо раздор между её агентами могли позволить добраться до неё и помешать осуществлению её замыслов. Роялистский комитет забывал принимать в расчёт панические страхи; а заговорщики по обыкновению постоянно настороже. Почти всегда забывают именно о самом существенном.

Согласно подробностям, приведённым в захваченных бумагах, насчитывалось более двухсот тридцати лиц, которые в промежуток с 12 нивоза по 18 вантоза VIII года стали предметом неофициальных сообщений контрполиции и которых она укрывала от наблюдения и преследования со стороны правительства.

Вопрос, заданный г-ном Гайдом де Нёвилем и потребовавший ответа от директора Дюпейрона, объясняет порядок действий и средства контрполиции. Первому передали донесение, где утверждалось как достоверный факт, что траурное полотнище, прикреплённое 21 января к колокольне церкви Мадлен, было делом королевских агентов, причём в числе участников назывались господа Девилье, Кастийон, Фабри, Люли, Дюроше, Малле, Маршан и д'Аленвиль; добавлялось, что все они были взяты под наблюдение.

«Я произвёл, — отвечал Дюпейрон, — все необходимые розыски и собрал сведения относительно вышеизложенных фактов; я удостоверился, что они совершенно не соответствуют действительности; мало того что названные лица вовсе не были взяты под наблюдение, но и само это происшествие, хотя оно произвело сильное впечатление на общественное мнение и удивило полицию, не имело никаких дальнейших последствий, потому что полиция позволила убедить себя, будто чёрный флаг был водружён якобинцами».

Однако министр общей полиции Фуше, прекрасно знакомый с теми таинственными приёмами, которыми пользуются, чтобы сбивать с толку легковых сторонников различных партий, не дал ввести себя в заблуждение нарочно распространёнными слухами, будто история с чёрным флагом была делом якобинцев; он нисколько не сомневался, что это работа роялистов: такие демонстрации были им свойственны. Впрочем, шевалье де Куаньи незадолго до того прибыл на французскую землю; Дюпейрон узнал, что шевалье взят под наблюдение и что г-ну Гаиду де Нёвилю угрожает опасность; гроза надвигалась, как говорилось в донесении контрполиции от 7 января 1800 года. Министр Фуше сообщил Центральному бюро о существовании заговора, направленного на восстановление старого порядка. Центральному бюро было предложено удвоить бдительность. Фуше объявил, что против нескольких заговорщиков вскоре будут выданы ордера на арест.

Если Фуше говорил таким образом, то потому, что пока ещё не хотел хватать этих людей, а намеревался лишь заставить их из страха прийти в движение, наблюдать за ними, вынудив их обнаружить себя, и таким способом выследить их повсюду, чтобы в нужную минуту нанести им и их сообщникам твёрдый и решительный удар. В делах полиции государственные люди не решаются действовать из-за пустяков; они ждут, пока сокровищница заговора пополнится, чтобы преподнести эшафоту более богатый дар. Неосмотрительность министра служит в таком расчёте средством первостепенной силы, особенно когда имеешь дело с людьми упорными.

При приближении этой опасности Дюпейрон, однако, старался успокоить своих сообщников. Он писал г-ну де Нёвилю, что, по полученным им частным сведениям, ему было известно, что министру полиции не доверено никакой важной тайны. «Я, право, думаю, — добавлял он, — что неосторожные поступки, а ещё более доносы, доставили министру кое-какие сведения, которые, хотя и смутны, тем не менее кажутся ему важными.

«Будем избегать шагов, которые могли бы обнаружить недостаток осмотрительности, и я решусь заранее поручиться, что полиция, несмотря на своих шпионов, средства правительства и его развращающее золото, никогда не сумеет проникнуть в пределы королевского лагеря».

Всё это не внушало спокойствия; но партии держатся до последнего вздоха: партии нельзя убить, и в их раскалённой атмосфере сообщники доходят в своём возбуждении до того, что считают себя могущественными, непобедимыми и готовыми в любую минуту одержать победу. Во втором донесении, датированном 12-м числом того же месяца, Дюпейрон сообщал своим корреспондентам, что в тот день ему доставили новые сведения о шевалье де Куаньи, из которых следовало, что в конце предшествующего декабря за ним вторично установили наблюдение; однако, поскольку никаких неблагоприятных сведений о нём получено не было, дело не имело продолжения. «Поэтому, — добавлял он, — я твёрдо убеждён, что господину де Куаньи нечего опасаться даже в малейшей степени: с одной стороны, его должно успокаивать сознание того, что полиция располагает против него лишь самыми неопределёнными и ничем не подтверждёнными сведениями; с другой — почти полная уверенность, что нас своевременно предупредили бы, если бы над ним снова начали стучаться тучи».

Контрполиция заботилась об интересах своих приверженцев не одними только личными предупреждениями: она сообщала им также об агентах и шпионах полиции, которых следовало остерегаться. Некоторым беднягам, искренним, но нуждавшимся роялистам, это вышло боком; их приняли не за тех, кем они были, и это повлекло за собой неприятные последствия.

Существовал список шпионов, получавших деньги от министра полиции за сообщения о том, что говорилось и делалось в высшем обществе; личное соперничество иногда увеличивало этот список.

Другой список содержал имена и адреса весьма большого числа сыщиков или агентов общей полиции, начиная с тех, кто действовал на улицах и в общественных местах, и кончая теми, кого принимали в салонах.

Этот последний список предназначался для печати; его предполагалось расклеить и распространить в большом количестве в тот момент, когда понадобится одновременно парализовать действия полиции и нанести сильный удар. Этим моментом должна была стать высадка принцев на побережье; одновременно им сдали бы порт Брест, арестовали Бонапарта в Париже и разослали курьеров, которые, сообщая по всей Франции о происходящем, вызвали бы всеобщее восстание и провозглашение Людовика XVIII. Такова была открыто объявленная цель контрполиции и её агентства; план привлекал толпу, по крайней мере своей видимостью стройного целого, и не казался неосуществимым никому, кто хотел посмотреть на вещи сквозь призму своей навязчивой идеи. Казалось, именно к этому плану присоединились роялисты; главным же было прежде всего захватить первого консула.

Как бы ловки ни были Дюпейрон и его агенты или товарищи, они не избежали упреков своих начальников. На всём экономили; однако требовали чудес. Деньги — движущая сила интриги, но, к несчастью, эту службу старались получить подешевле, словно между исполнителями существовала конкуренция. Г-н Гайд де Нёвиль упрекал Дюпейрона в том, что роялистов арестовали без его ведома. «Лучшим ответом на этот вопрос, — писал ему Дюпейрон, — было бы задать вам другой. Как получается, что республиканская полиция, имея в своём распоряжении триста доносчиков и почти шесть миллионов в течение года, не может обнаружить главные звенья роялистской цепи? Как получается, что, несмотря на свои усилия, затраты и переписку в департаментах, она не может арестовать никого, кроме второстепенных лиц, хотя люди нашей партии нередко допускают частые неосторожности? Давайте мне хоть по 100 000 франков в месяц, и я всё равно не смогу предотвратить все аресты. Неужели вы полагаете, что за восемьдесят золотых луидоров в месяц я способен проникнуть в пещеру Полифема? С моей стороны было бы безумием обещать вам это, а с вашей — глупостью поверить».

Это был ответ по существу; впрочем, мелкие люди большой партии удивлялись, что среди высокопоставленных руководителей время от времени никого не арестовывали; отсюда, вследствие недоверия, возникали уныние, подозрения и сомнения. Трусам ничего не стоило утверждать, что тех, кого оставляли на свободе, использовали как приманку для мелкой рыбёшки. Не следует верить в полное братство и взаимное доверие сообщников.

Но малое число арестов и то, что они ограничивались второстепенными лицами, объяснялось не только бдительностью агентов Дюпейрона и его тайными средствами; такой результат вытекал из самой организации агентства и королевской контрполиции. Люди, которыми она пользовалась, были разделены на различные секции. Каждая секция из двух или трёх агентов состояла в связи с начальником; начальники сообщались с вышестоящим лицом, а все последние вместе — с принцами или агентами короля за границей. В результате стоило какому-нибудь участнику одной из секций попасть под наблюдение или быть арестованным республиканской полицией, как, заставив исчезнуть или удалив начальника, руководившего этой секцией, разрывали цепь, и полиция уже не могла подняться выше, даже если она рассчитывала вновь увидеть этого начальника, который, вернувшись после тревоги, заново расставлял свои сети и плёл свою паутину, рискуя при этом оставить в руках власти ещё некоторую добычу из роялистов.

Эта организация, которую можно было счесть весьма искусной, не всегда достигала успеха, поскольку в конце концов заговор был раскрыт, а члены агентства выданы, подвергнуты преследованию и вынуждены были укрыться в Англии, тогда как их переписка была захвачена в Кале во флореале VIII года, как уже было сказано несколько выше.

Из этих бумаг видно также, что контрполиция устанавливала особое наблюдение за некоторыми лицами — быть может, столько же из любопытства или с целью выяснить, нельзя ли извлечь из них пользу, сколько из страха или враждебности.

Так, контрполиция распорядилась следить за Сийесом; Дюпейрон получил соответствующий приказ, однако, по его словам, дело это было весьма трудным. Говорили, что этот священник словно создан для того, чтобы испытывать терпение и изнурять всякого, кто пытался его узнать. «Порученная нам миссия, — говорил Дюпейрон, — тем менее легка, что нам приходится соперничать с министром полиции (Фуше), который со своей стороны велел следить за Сийесом, и что нам предстоит бороться со средствами защиты, которыми аббат станет пользоваться сам. Тем не менее мы достигнем этой цели, ибо я люблю преодолевать большие трудности! Но предупреждаю вас, что мы будем вынуждены понести чрезвычайные расходы; один генеральный инспектор взялся лично исполнить это поручение. Необходимо, чтобы у него был конь, дабы иметь возможность следить за Сийесом; он собирается выехать и ждёт только адреса загородного дома, куда удалился этот аббат. Сообщите мне название этого загородного дома и укажите, в какой стороне он находится!»

Трудно было бы сказать, чего хотел добиться г-н де Нёвиль таким шпионством за аббатом Сийесом; какую пользу оно могло принести делу короля? Но это не единственный пример столь же пустых хлопот и расходов, которые они вызывали; к тому же г-н Дюпейрон был слишком искусным полицейским агентом, чтобы не воспользоваться столь удобными случаями придать себе важности и обосновать расходы, становившиеся таким образом необходимыми.

Несомненно, гораздо более серьёзный недостаток, всегда отличавший подобные агентства и предприятия, заключался в преувеличениях и ложных представлениях, которыми они наполняли свою переписку. Послушаем, что говорилось в одной из них о положении дел во Франции в 1800 году. «Больше, чем когда-либо, жалуются, — сказано в ней, — на недостаток звонкой монеты; утверждают, что бедствия удвоились после 18 брюмера; войска ропшут на Бонапарта; он чужеземец, честолюбец; оказывается, вандейцы уже привлекли на свою сторону часть парижского генерального штаба; на всех общественных площадях образуются многочисленные группы (22 нивоза VIII года); люди из полиции полагают, что если бы король или принц в восемь часов утра сел на коня, парижане с восторгом присоединились бы к нему; стараются

возбудить неприязнь к консулу Бонапарту, распространяя слух, будто он покинул Египет лишь после гибели своей армии; правительство обвиняют в скупке зерна и муки; прокламации Бонапарта против вандейских беженцев были встречены негодующими криками; готовится государственный переворот, который не замедлит разразиться; Бонапарт стремится к самой полной тирании; людям, состоящим в полиции, его падение кажется не только несомненным, но и близким. Население Парижа довольно единодушно полагает, что мира не будет, пока сохранится революционная форма правления; низшие слои народа кричат о нищете, жалуются на отсутствие работы и призывают вернуть прежний порядок вещей. Бонапарт всё больше теряет в общественном мнении; порядочные люди возмущены революционными мерами, которые он принял против восставших департаментов; вспоминают также его поведение во время слишком знаменитого 13 вандемьера; призывники и реквизированные в большом числе дезертируют, и уверяют, что целый драгунский полк перешёл к неприятелю с оружием и обозом, и так далее, и так далее».

Но деятельность контрполиции не ограничивалась сочинением подобных нелепостей и лживых известий; из некоторых захваченных документов видно, что одной из её целей было также грабить почтовые экипажи и обирать путешественников. «В том положении, в каком мы находимся, — говорил Дюпейрон, — мы не можем делать ничего иного, кроме как передавать сведения о положении дел; заботиться о собственной защите посредством деятельного наблюдения внутри полицейского лагеря; мы можем лишь пытаться захватывать общественные кассы или почтовые службы, фургоны либо почтовые кареты, перевозящие средства, принадлежащие республике; всё, что выходило бы за эти пределы, стало бы бесполезным и вредным для интересов дела».

Такие небольшие набеги должны были бы заставить Дюпейрона меньше ворчать на скупость своих начальников; быть может, впрочем, эти господа присваивали себе всю добычу, что было не слишком честно. Словом, контрполиция была таким же средством разбогатеть, как и любое другое.

Мы видим также, что эти господа считали вполне допустимым становиться сообщниками краж, сопровождавшихся насилием и взломом. «Имею честь уведомить вас, — писал Дюпейрон своим начальникам, — что в ночь с субботы на воскресенье будет совершено нападение на дом одного покупателя национальных имуществ, в трёх лье от Парижа; мне внушили надежду, что мы найдём там кое-какие деньги. Я поспешу сообщить вам о результате этого предприятия (1)». (1) Извлечение из протокола о передаче гражданам Шапталю, Эммери, Шампаньи и Брюну бумаг, обнаруженных у госпожи Анн-Луиз Жаннен, вдовы Мерсье, при её аресте комиссаром полиции Алле 13 флореаля VIII года. Названные граждане Шаптал, Эммери, Брюн и Шампанья были назначены постановлением консулов для рассмотрения изъятых бумаг, помет на важнейших документах и составления исторического изложения этих материалов. Протокол от 13 флореаля VIII года издан под названием «Английский заговор» в типографии Республики в IX году.

Но из всех враждебных, можно было бы сказать преступных, если бы они не были безумными, замыслов этой контрполиции самым смешным и самым неосуществимым, несомненно, покажется намерение организовать шуанское движение в самой столице. Как можно было ублаживать принцев и друзей монархии подобными небылицами? Для этого следовало предположить, что они сохранили наивность первых лет революционного кризиса, когда надеялись расстроить дух полков криками «Да здравствует король!», на которые босоногие солдаты республики столь решительно отвечали штыками. Побитые маркизы тем не менее сохранили всю маркизскую спесь. Они по-прежнему видели лишь челядь в этой разгневанной нации, которая столько раз давала им почувствовать свои львиные когти.

«Это шуанское движение состояло бы из двадцати человек в каждой секции, находящихся под начальством сержанта, лейтенанта и капитана. Капитаны поддерживали бы связь с

двенадцатью полковниками, размещёнными в двенадцати парижских муниципалитетах. Полковники отчитывались бы перед четырьмя генералами, которые разделили бы между собой Париж и его окрестности; а четверо генералов получали бы приказы от главнокомандующего, который мог бы действовать лишь согласно указаниям, получаемым им непосредственно или через посредников от главного агента или главных агентов короля в Париже. Общая численность этой гвардии составляла бы тысячу сто двадцать одного человека.

«Особая цель этой организации заключалась бы в учреждении превосходной контрполиции и уничтожении вождей революционеров; в вербовке и защите призывников; в задержании военных курьеров; в освобождении некоторых эмигрантов из рук военной комиссии, чтобы доказать революционной партии, что даже в своей главной квартире она не застрахована от поражений. Наконец, целью было бы, насколько возможно, препятствовать намерениям полиции.

«Таким образом, главной задачей этого учреждения было бы вести малую войну в ожидании возможности нанести большой удар; а большой удар надлежало бы нанести лишь тогда, когда две партии, существующие в Директории и обоих советах, объявили бы друг другу войну (1)». (1) Письмо Дюпейрона от 21 фрюктидора VII года; 7 сентября 1799 года.

Подобные замыслы не нуждаются в комментариях; нужно знать, до какой степени партийный дух способен ослеплять, если он может породить идею подобной организации без страха, что какая-нибудь неосторожность всё расстроит и приведёт в засаду всех дураков, завербованных под подобные знамёна.

В другом письме, датированном пятым дополнительным днём VII года, Дюпейрон изложил мнение роялистов о людях, которых они хотели бы видеть в Париже для руководства делами короля. «Если нужно одним словом выразить требуемые качества, пришлите нам г-на де Барантена, который соединяет со знатным именем блеск добродетелей!.. Именно от внутренних дел, — добавлял он, — зависит возвращение монархического порядка; следовательно, именно с теми, кто находится внутри страны, надлежит советоваться относительно решений, которые необходимо принять; и как можно было бы представить себе осуществление замыслов, если не назначить в подчинение такому начальнику, как г-н де Барантен, людей, пользующихся общественным доверием, таких как Катрмер (де Кенси), Журдан (из департамента Буш-дю-Рон), Руайе-Коллар и другие. Должен сообщить вам, что г-н Руайе-Коллар разыскал меня, чтобы передать рукопись Фьеве, служащую ответом на прокламацию Директории об опасностях, угрожающих отечеству. Мы намерены её напечатать. Я говорил об этом с г-ном шева-лье де Куаньи. Сказать, что это сочинение вышло из-под пера Фьеве, значит похвалить его и за принципы, и за слог. Фьеве уже написал прекрасную небольшую брошюру о событиях 18 фрюктидора и 30 прериала. Это человек, достойный внимания во всех отношениях, мужественный и преданный делу при любых испытаниях. Он сможет оказать нашему делу тем более существенные услуги, что распоряжается своей секцией так же, как я — своей».

В действительности и тот и другой распоряжались своими секциями одинаково, то есть вовсе ими не распоряжались. В сущности, совет Дюпейрона сводился к следующему: «Назначьте нам немедленно ваших министров; очевидно, это лучшее, что вы можете сделать».

Между тем они находились под наблюдением Фуше, который забавлялся ими и ожидал удобного момента, чтобы нанести удар.

Правительство Директории всё ещё пребывало в состоянии раскола, ослабленное неосторожным поведением своих членов, когда Дюпейрон таким образом наставлял вождей роялистской партии; прибытие Бонапарта во Францию по возвращении из Египта, о котором в Париже узнали 14 октября 1799 года (22 вандемьера VIII года), придало новое направление интригам и такую организацию контрполиции, какую мы описали в начале настоящей главы. Она приступила к деятельности в нивозе того же года и продолжала существовать до следующего флоре-

алю; её дальнейшее существование уже нельзя сравнивать с прежним, однако как в ту, так и в другую пору трудно было бы назвать действительные услуги, оказанные ею королевскому делу.

Всё это было лишь мечтой, дорого обошедшейся тем, кто принял дозу этого политического опиума. Сомнительно, чтобы, заплатив больше, они получили бы больше. Самые лучшие глупости — всё-таки те, которые обходятся дешевле всего.

ГЛАВА LVI.

Анекдот о роялистском комитете.

В ту пору, когда эти интриги так искусно переплетались, Мерлен де Дуэ, со своей стороны вполне убеждённый в коварной роли, которую аббат де Монтескью играл во Франции, но совершенно не опасавшийся силы воображения и рассудительности этого заговорщика, поспорил с Баррасом, что к назначенному дню получит от самого аббата все тайны роялистской партии. Прямой способ, хотя и дерзкий, казался ему самым лёгким из всех. Он держал пари, что возьмёт позицию открытым приступом. Баррас сомневался в успехе; он находил, что это значит слишком рисковать; Мерлен настаивал. Пари было принято. Условились об великолепном обеде, все расходы на который должен был нести проигравший. В ту пору к серьёзным делам иначе не подходили. Говорят, русские вельможи играют на рабов вместо рублей; здесь играли на головы и ели устриц. У великих политических палачей, впрочем, имеются слуги для низменной работы; у них есть тюремщики и палачи; и, избавляя себя от необходимости пачкать руки, они заключают со своей совестью наивыгоднейшую сделку.

Посредницей в задуманной интриге Мерлен де Дуэ избрал некую Амелию де Б....., происходившую из довольно хорошей провансальской семьи, хорошенькую и очень расточительную, которая под видом роялистки уже некоторое время служила шпионкой Директории. Подобные женщины во все времена встречаются в изобилии. Чтобы заручиться её верностью, ей обещали отсчитать столько денег, сколько она сама сумеет вытянуть из простаков этой партии. Она обладала умом, но от этого лишь с большим рвением устремилась за добычей. В отношении этого соглашения ей предоставили полную свободу действий.

Уже на следующий день Амелия де Б..... явилась к аббату де Монтескью и попросила личной аудиенции. Оставшись с ним наедине, причём никто не должен был вмешиваться, поскольку она попросила аббата распорядиться об этом, после некоторого колебания она упала к ногам духовного лица, философа, и прежде всего стала просить его о снисхождении и прощении за то, что собиралась ему открыть. Аббат, от природы учтивый, удивился, увидев у своих ног хорошенькую женщину; он встревожился при виде её рыданий и попытался придать ей мужество. Быть может, он опасался, что она воспримет слишком серьёзно его священническое звание и явилась сюда лишь затем, чтобы попросить у него отпущения грехов.

— Невозможно презирать меня настолько, насколько я того заслуживаю, сударь, — сказала ему эта кающаяся грешница, заливаясь ещё более обильными слезами; — снисхождение, к которому, как я смею надеяться, вы способны, каким бы великим оно ни было, не сможет поднять меня в собственных глазах, если только само моё падение не поможет мне содействовать торжеству правого дела. Имя, которое я ношу и которое так прославили мои родители, теперь служит мне единственным средством вернуться к добродетели, если только вы согласитесь протянуть мне руку и, в свою очередь, удостоить меня хотя бы некоторой жалости.

Такое начало несколько озадачило аббата, который, судя по роскоши туалета дамы, усматривал противоречие между её нарядом и словами. На мгновение ему подумалось, что она ограничится просьбой о денежной помощи. Он жестом пригласил её продолжать, делая вид, будто ничего не понял в этом порыве роялистских чувств. Сам он остерегся выставлять напоказ подобные чувства.

— Уезжая из Франции, — продолжала она, — моя семья, подвергавшаяся доносам, преследованиям и подозрениям, оставила меня на попечение старой доверенной служанки, чьи честь и самое мужество, чьи нежные заботы и безграничная преданность должны были убе-

речь меня от тревог и страданий тех смутных времён. К несчастью, эта великодушная и верная подруга не смогла пережить ужасов, окружавших нас. Эти унижения постепенно свели её в могилу; я видела, как она угасала у меня на руках, не имея возможности поддерживать связь с остатками несчастной семьи, уничтоженной эшафотом и разорённой конфискациями; мне обещали помощь, но она так и не пришла. Чем могла стать сирота, лишённая опыта? Ах, сударь, вы наверняка догадаетесь обо всём!..

И в самом деле, лоб аббата всё более хмурился, ибо подобные признания, хотя и перемежавшиеся недомолвками, были достаточно красноречивы.

— Поверьте, сударь, — продолжала прекрасная плакальщица, — я, быть может, сужу себя строже, чем кто-либо другой. Но речь не обо мне; и что, в конце концов, значит, если ещё одно жалкое создание пополнит ряды тех женщин, которые продолжают краснеть, даже утратив на это право!.. Гнусные внушения преследовали меня. Я уступила, не обманывая себя относительно своей вины, и тяжесть моего бесчестия всё ниже пригибала меня под роскошью, которую я ненавижу, ибо обязана ею самым ожесточённым гонителям всего, что составляло предмет поклонения моих благородных и несчастных родителей. Как бы низко я ни пала, я всё же отдаю себе должное в одном. Я осознала глубину пропасти, в которую падала, лишь после своего падения. Недостойная женщина продала меня, несомненно из услужливости, не назвав мне имени мужчины, в чьих объятиях я закрывала глаза. Знайте же всё; проклиняйте меня, бросьте в меня камень. Я любовница, сударь, директора полиции.

Аббат де Монтескью принял холодное выражение лица.

— Что же я могу с этим поделать, мадемуазель?

— Ничего, сударь! Вы ничего с этим поделать не можете.

— И какой же услуги вы от меня ожидаете?

— Я ни на какую не притязую, сударь; я её не заслуживаю. Напротив, я пришла унизиться перед вами и принести себя в жертву. Я прошу вас лишь выслушать меня и не оставлять меня наедине с отчаянием. Итак, порок или несчастье, увлечение или неопытность, каким бы именем вам ни угодно было назвать мою участь, не останавливаясь на том, что уже свершилось, на пятне, которого я не могу стереть со своего чела даже ценой собственной крови, поскольку человек, которому меня отдали, теперь мне известен и старается удержать меня в моём унижении, намеренно окружая меня некоторыми знаками внимания; располагайте мной ради нашего святого дела, ради услуг, которые я смогу вам оказать, ради всего, чего вы пожелаете. Если я сама не в состоянии сказать вам, в чём могу быть полезна, то вам надлежит мне это сказать. Мне казалось, что такое искупление могло бы быть принято. Только это, вы должны понять, позволит мне вновь снискать благоволение моей семьи, и мне необходимо избавиться от столь заслуженного проклятия родных, обратив на пользу вашим усилиям по возвращению наших королей на престол то жалкое и унижительное положение, в котором я нахожусь.

Аббат по-прежнему оставался непроницаемым и задумчивым. Он ждал, чтобы узнать, что именно ему предстоит сделать.

— Ах! Я забыла! — вдруг воскликнула странная просительница.

И из-под шёлковой подкладки своего редингота Амелия де Б..... вынула небольшую бумажку, покрытую цифрами, которые она расшифровала. Это было предостережение, которое дядя несчастной сироты, находившийся тогда при принцах, счёл нужным переслать ей после смерти доверенной служанки, чтобы она смогла получить помощь от их общих друзей. Имя г-на де Монтескью фигурировало там среди многих других, с весьма выразительными полусловами.

— Это попало ко мне слишком поздно, — продолжала она, — и именно тогда, когда я уже не считала себя вправе воспользоваться этим для того, чтобы заслужить вашу доброту. Быть может, сожалея о своём несчастье, я никогда не осмелилась бы явиться сюда; и своим молчанием я, несомненно, избежала бы вашего презрения. Но тайные донесения, которые

Сотен (директор полиции) сегодня утром оставил у меня на виду и из которых я узнала, что за несколькими людьми, имена которых прислал мне мой дядя, ведётся самое деятельное наблюдение, заставили меня понять, сударь, что, даже рискуя подвергнуться бесчисленным унижениям, необходимо во что бы то ни стало предупредить вас. Это ваши друзья, это друзья моей семьи. Их можно застать врасплох: на это и надеются. Я руководствовалась лишь своими страхами. Нет ничего легче, чем убедиться в существовании такого наблюдения; ибо, если принять во внимание, как мало времени прошло между доносом, сделанным агентами моего покровителя, и тем, который я только что сделала вам, люди, которым поручена эта забота, не могут и предположить, что теперь вы сами способны следить за ними. Их можно сбить со следа; вы должны это сделать! Я видела только это. Проверьте данный факт, и тогда вы сможете мне поверить. Тогда ваша суровость ко мне, несомненно, перестанет принимать столь горькие формы. Я не прошу вашего уважения; искренность моего признания должна лишить меня даже малейшей надежды на него.

Аббат, с этой минуты поверивший всей этой выдумке, в которой было предусмотрено всё, от отчаяния до письменных доказательств, внезапно увидел, какую огромную пользу можно извлечь из подобного раскаяния и какие многочисленные возможности для действий открывал перед ним сообщник, находившийся во вражеском лагере, для завязывания новых интриг. Однако перемена в его обращении проявилась с оттенками бесконечной деликатности. Прежде чем решительно выступить в роли политика, он счёл нужным сыграть роль капуцина; и, не возражая против слёз бедного дитяти, ибо теперь подобало поддерживать столь бурное раскаяние, он стал размышлять о том, что эта современная блудница из Иерихона действительно могла оказаться весьма полезной народу Божьему. Библейская учёность предлагает примеры и основания для снисхождения. Он весьма мягко подошёл к равнозначному выводу, произнеся одну из самых трогательных речей о развращении плоти и о величии, которое может заключаться в мужественной покорности мукам позора, когда дело касается священных интересов трона и алтаря. Ведь он вовсе не намеревался допустить, чтобы Амелия де Б....., столь остро чувствовавшая низость своего положения, внезапно образумилась.

Словом, лицо его просветлело; важность его сменилась любезностью; тон галантности занял место аскетизма; между ними установились самые сердечные отношения. Если он и не дал прямых сведений, то те, о ком он позволил любовнице Сотена собирать сведения для партии, могли направить искусных агентов полиции на нужный путь и показать им след, оставляемый королевской контрполицией. После четырёхчасовой беседы Амелия де Б..... возвратилась к своему любовнику, снабжённая всеми необходимыми указаниями для выведывания тайн республики; и, поскольку нельзя останавливаться на полпути, хроника утверждает, что дипломат завершил воспитание своей преданной сообщницы таинственными наставлениями об искусстве выбора подходящего момента, когда нужно заставить государственных людей стать неосмотрительными в нежной непринуждённости встречи с глазу на глаз. Верный слуга монархии, аббат де Монтескью должен был зайти так далеко. Санчес позволяет показывать наготу сквозь газовую ткань, когда речь идёт о защите на судебном процессе: если соблюсти должную меру, его ученик должен был позволить себе гораздо больше.

Об этой интриге Мерлена де Дуэ стало известно лишь по её исходу и очень поздно; она продолжалась восемнадцать месяцев. Амелия де Б....., которая, согласно соглашению, заключённому с аббатом, поддерживала отношения только с ним одним, держала в своих руках нити многих интриг, проявляя, впрочем, гораздо больше осторожности, чем можно предположить и чем скажут те, кто в них участвовал, если возьмутся писать историю. Духа интриги следует опасаться меньше, чем грубых и слепых страстей толпы. Вандея со своими новобранцами-крестьянами, распятиями, священниками-солдатами, недостатком оружия, из-за которого всё превращалось в оружие, внушала Директории больше страха, чем те мелкие парижские проделки, в существование которых верили и которые расстраивали, словно играя, при помощи приёмов

того же рода. Некоторые незначительные услуги ввели в заблуждение этих мнимых дипломатов, на искусство которых полагалась королевская власть. После 18 брюмера аббат де Монтескью смог собственными глазами увидеть свою ошибку и с досадой подсчитать деньги, которые его прекрасная каюшаяся грешница извлекла из роялистской казны. Баррас охотно заплатил по своему пари. Самым дерзким обстоятельством этого обмана стало присутствие на том обеде маркиза Клермона де Галлеронда, сообщника аббата де Монтескью, который, со своей стороны, воображал, будто замечательно скрывает свою игру, водя дружбу с завсегдатаями Люксембургского дворца. Таким образом, Мерлен де Дуэ не встретил опровержения.

Легковерие партий всегда и повсюду одинаково. Его можно сравнить лишь с легковерием несчастных глупцов, которые разоряются на лотереях и с того дня, когда внесут ставку, до дня розыгрыша грезят миллионами, радостями и несравненными наслаждениями, рискуя лишить себя самого необходимого ради попытки снова, ценой новых расходов, воплотить в жизнь свои воздушные замки. Нельзя слишком часто повторять: правительства гибнут не от своих врагов, они гибнут от собственных ошибок. По правде говоря, наблюдатели заинтересованы поддерживать и распространять противоположное мнение. Заговорами торгуют, как и всем остальным.

В ту же пору некий проходимец из гвардии Директории по имени Дютур, заядлый обжора, всегда искавший лёгких выходов, человек без всяких угрызений совести, хотя и подлинный патриот, своего рода республиканский Фигаро, явился к одному из своих начальников и решительно потребовал повышенного жалованья — требование, показавшееся с его стороны весьма чрезмерным и вызвавшее насмешку начальника; особенно от него подобная просьба была необычной и недопустимой.

— Прекрасно! — сказал тогда Дютур; — но раз с республикой ничего не добьёшься, а я не хочу умирать с голоду, никто не должен удивляться, если я на четверть обращусь в другую веру, чтобы договориться с роялистами.

В этих словах было нечто легкомысленное и подозрительное, и его принялись заставлять объясниться, чего он как раз и добивался; он всё изложил со свойственной ему наглостью. Дютур собирался через посредника установить отношения с неким шевалье д'Антибом, который тогда жил в Париже под романтическим именем Блондель, настоящим помешанным, которому стоило лишь польстить его роялистским надеждам, как он тотчас принимался расточать, словно манну небесную, взносы глупцов из своей партии. Судя по образцу умственной нищеты этого пылкого сторонника дома Бурбонов, Дютур составил замысел, который собирался предложить ему, чтобы придать себе цену в его глазах. Требовалось только, чтобы власти ему подыграли и дали возможность беспрепятственно пожить. Этот фантастический замысел, расходы по которому шевалье д'Антиб должен был оплатить заранее, состоял попросту в том, чтобы обещать похитить пятерых директоров из Люксембургского дворца, расчитав таким образом путь для учреждения временной власти, которую роялисты обязались бы составить. Дютур намеревался привести к своему простаку товарищей из гвардии, будто бы готовых продаться, причём он мог по своему усмотрению увеличивать их число, выдумывая бесконечные затруднения и повышая цену, которую каждый из мнимых перебежчиков назначил бы себе, прежде чем нанести решительный удар. Нелепость этой провокации казалась очевидной, однако Дютуру позволили действовать по своему усмотрению, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, предрекая ему одни неприятности; но в этом ошиблись. Шевалье д'Антиб безрассудно поверил всем этим небылицам и возомнил себя главой контрреволюции. Лично он не был богат; но положение главного агента аббата де Монтескью давало ему ключ от всех партийных кошельков. Перспектива одним ударом отправить пятерых директоров к Его Величеству Людовику XVIII за пролив в доказательство того, как легко восстановить монархию, воспламенила воображение сообщников; они обещали содействовать замыслам роялиста Дютура. В мгновение ока взносы были внесены; Дютур истратил большую их часть и с той поры зажил

на широкую ногу. Около 40 000 франков исчезли таким образом в бездне его застолий и пирушек, и доверие людей, дававших деньги, казалось, не истощилось от этих жертв, когда один неудачный шаг Директории наконец породил недоверие среди заговорщиков и раскрыл тайну этого фокуса. Отчаявшийся Блондель наконец начал с того, с чего следовало начать, — стал выяснять, кто же такой этот Дютур. Тогда с полной уверенностью установили, что это всего лишь наглый шарлатан, со всех сторон защищённый медным лбом, с ненасытным желудком, более озабоченный тем, чтобы дразнить роялистов, нежели помогать им подняться. Это новое разочарование огорчило их, но не привело в отчаяние. Что касается Дютура, он был весьма раздосадован потерей своих содержателей; однако знакомство, которое он свёл с большинством злоумышленников, позволило ему быстро продвинуться в рядах политической полиции.

ГЛАВА LVII.

Исторические сведения о Ратуше; её древность. — Устройство, полномочия, юрисдикция и полицейские функции городского бюро и купеческого прево. — Порядок избрания городских эшевенов. — Церемония принесения присяги королю вновь избранными эшевенами. — Доходы и

должностные лица городского корпуса. — Число купеческих прево от возникновения этой должности до господина де Флесселя. — Рассказ о трагической смерти последнего 14 июля 1789

года.

В эпоху, когда римский орёл распростёр свои завоевательные крылья над Галлией, на том зачатке территории, который, развиваясь, стал очагом французской цивилизации, уже существовало муниципальное управление. Учёные исследования показали, что после завоевания страны франками в политическом устройстве больших городов произошло лишь немного существенных изменений. Новые властители страны сохранили важнейшую часть этого устройства.

При римлянах каждый сколько-нибудь значительный город имел сенат, собрания или городские советы и должностных лиц, которых называли защитниками города; им поручалось охранять права жителей от посягательств провинциальных наместников; они покровительствовали торговцам, назначали и регулировали общие расходы. В Париже этих защитников обычно выбирали из корпорации навтов, объединения купцов, которые уже в ту пору вели торговлю по Сене и впадающим в неё рекам.

Надписи, обнаруженные в марте 1711 года при раскопках земли под хором собора Парижской Богоматери для устройства погребальных склепов архиепископов, сообщают нам, что при Тиберии товарищество парижских навтов, *nautes parisiaci*, как гласит одна из этих надписей, воздвигло алтарь Эзусу, Юпитеру, Вулкану, Кастору и Поллуксу. Следует предположить, что упоминаемые в некоторых актах царствования Людовика Толстого и Людовика Молодого *mercatores aquae parisiaci* под другим названием наследовали этим старинным торговцам и что нигде более не следует искать происхождения городского корпуса, глава которого носил звание купеческого прево; ведь они ведали надзором за перевозкой товаров, прибывавших водным путём; естественно было, чтобы их глава получил звание купеческого прево.

Неизвестно, где этот городской корпус собирался при первой и второй династиях французских королей; в начале третьей династии мы находим его в доме в Долине Нищеты, которая впоследствии стала птичьим рынком и которую называли Долиной, ныне заменённой крытым рынком. Это место собраний называлось Домом торговли; затем оно было перенесено в зал для бесед горожан, близ большого Шатле, ныне снесённого, а позднее в другой зал для бесед горожан, устроенный в башне парижской городской стены, неподалёку от якобинцев с улицы Сен-Жак (1). Должностные лица, избранные из корпорации *mercatores aquae parisiaci*, при Филиппе Смелом, в 1274 году, получили наименование купеческого прево и эшевенов города Парижа. С того времени городской корпус обрёл прочность и определённое устройство. В 1357 году он

приобрёл Дом на Гревской площади, иначе Дом на столбах, называвшийся так потому, что ряд столбов поддерживал его, как Дом синих детей, тогда стоявший отдельно и примыкавший к Ратуше. На месте этого Дома на Гревской площади и нескольких других зданий в 1533 году начали строить Ратушу; это здание было окончено в 1628 году, в царствование Генриха IV, чья конная статуя видна в виде барельефа над входными воротами (1). (1) Слово *parloir* означает попросту место, где разговаривают, где собираются для переговоров; это название сохранилось в монастырях, тюрьмах и больницах.

(1) Люди 93-го года во время своего господства распорядились снять этот барельеф; они воображали, будто могут изгладить королевскую власть из истории, разрушая статуи королей; глупость, пример которой они подали своим преемникам и которую здравомыслящие люди осмеивали при всех режимах.

В 1789 году, ко времени своего упразднения, городской корпус Парижа состоял из высших должностных лиц, гражданских чиновников, младших должностных лиц и военных чинов; у него имелись собственная юрисдикция, доходы, расходы, которые надлежало оплачивать, особые способы избрания и особый церемониал.

Я полагаю необходимым привести некоторые подробности, руководствуясь достоверным очерком, составленным городским бюро в 1778 году.

«Высшими должностными лицами были губернатор города Парижа, назначаемый королём, и наместник губернатора, должность которого в финансовом отношении была определена указом об её учреждении; оба эти сановника входили в городской корпус.

«Гражданские должностные лица состояли из купеческого прево, назначаемого королём; каждый прево занимал должность два года, и довольно часто тот, кто носил это звание, оставался в должности на протяжении трёх двухлетних сроков. Он проводил у себя публичные приёмы; его считали магистратом первого ранга со званием кавалера; на публичных церемониях он носил мантию из малинового атласа (1). (1) Из писем господина де Сартиня господину Биньону, купеческому прево, по поводу происшествия 30 мая можно видеть, с какой почти-тельной предупредительностью первый обращается ко второму.

«Четыре избранных эшевена, а именно: один из числа квартальных старшин и двое из числа именитых горожан. Каждый эшевен оставался в должности два года. Чтобы стать эшевеном, необходимо было быть парижанином; звание эшевена давало дворянство.

«Прокурор и адвокат короля и города; у него имелись заместитель и своё присутствие в Ратуше; а также секретарь, жалование которому выплачивалось из городской казны.

«Главный секретарь; он имел жильё в Ратуше.

«Казначей, главный сборщик пожертвований и октруа города; эта должность требовала залога в один миллион.

«Эти восемь человек составляли то, что называлось городским бюро. Здесь разбирали текущие, частные и секретные дела; здесь на основании донесений судили дела, подлежащие обсуждению; здесь отвечали на записки, просьбы и ходатайства. Секретарь и сборщик, имевшие здесь поначалу лишь совещательный голос, впоследствии получили право решающего голоса.

«В состав городского корпуса входили, кроме того:

«Двадцать шесть городских советников, из которых шестнадцать были именитыми горожанами, способными занять должности эшевенов, а остальные десять принадлежали к высшим судебным учреждениям и никогда не могли стать эшевенами;

«Шестнадцать квартальных старшин: число их было установлено таким потому, что Париж издавна делился на шестнадцать кварталов и потому в каждом квартале находился один из них. Эти должности покупали именитые горожане, и они предоставляли различные привилегии.

«Шестнадцать советников из числа горожан и шестнадцать квартальных старшин поочередно получали право стать эшевенами; туда допускали и других горожан, не занимавших никаких должностей, но включённых в список именитых лиц, который советники и квартальные старшины составляли, предварительно собрав о них самые тщательные сведения.

«Эти советники и квартальные старшины вместе с восемью членами городского бюро составляли общий совет города.

«В состав входили также младшие должностные лица, не являвшиеся членами названного совета, а именно: шестьдесят четыре пятидесятника, по четыре в каждом из шестнадцати кварталов.

«Кроме того, имелись полковник городской стражи, подполковник, майор, адъютант-майор, четыре роты по семьдесят два человека каждая; оркестр, состоявший из нескольких барабанщиков, гобоистов, трубачей и литаврщика.

«Жалованье губернатора составляло 55 000 франков. Купеческий прево, четыре эшевена, прокурор-адвокат короля и города, секретарь и сборщик делили между собой в качестве вознаграждения за должность сумму, первоначально составлявшую 180 000 франков, которую им разрешалось брать из городской казны, но которая по декларации от 25 апреля 1783 года была уменьшена до 136 380 франков.

«Для выборов выбывающих членов общий городской совет ежегодно собирался в большом зале Ратуши 16 августа; там избирали двух новых эшевенов взамен тех, у кого истёк срок полномочий.

«Выслушав мессу Святого Духа в часовне, собрание приступало к избранию четырёх счётчиков голосов: одного от короля — им обыкновенно бывал видный представитель судебного сословия; одного от городских советников, избранного из их числа; одного от квартальных старшин, избранного из их числа; наконец, одного от горожан, избранного из числа именитых горожан, по двое из которых приглашались от каждого квартала, чтобы присутствовать на выборах и участвовать в них.

«Счётчики голосов, принеся присягу, приступали к подсчёту голосов (1), а два кандидата, получившие большинство голосов, назначались и публично объявлялись эшевенами. Протокол выборов представляли королю. (1) Каждый избирательный бюллетень должен был содержать два имени, по одному на каждого избираемого эшевена.

«Купеческий прево писал губернатору Парижа и министру, чтобы сообщить им об этом назначении, и одновременно просил министра испросить у короля день, который Его Величество пожелает назначить для принесения присяги двумя новыми эшевенами.

«В назначенный день городской корпус отправлялся в Версаль в пяти каретах, из которых две были запряжены шестёркой лошадей, а три — четвёркой. Городской корпус вводили в зал совета, где он ожидал распоряжений короля. Затем за ним приходил церемониймейстер. Когда дверь королевских покоев открывалась, объявляли о прибытии города Парижа, и губернатор, уже находившийся там, выходил навстречу городскому корпусу и представлял его.

«Король сидел в кресле с покрытой головой, окружённый принцами и сеньорами двора.

«После трёх установленных обычаем поклонов городской корпус приближался и преклонял одно колено. Королевский счётчик голосов, стоявший перед королём, произносил перед ним речь, подобающую обстоятельствам (1), и представлял результаты голосования. Король давал весьма краткий ответ, брал протокол голосования и передавал его министру, ведавшему парижским департаментом, который находился по правую руку от него. Министр снимал печать с пакета и вслух зачитывал его содержание. В этот момент городской секретарь клал на колено короля распятие, на которую оба избранных эшевена должны были положить руки, чтобы принести присягу; после этого первый секретарь-клерк представлял министру книгу постановлений, в которой содержалась форма присяги, и первый секретарь зачитывал её вслух. Затем каждый из двух избранных говорил: «Клянусь». Наконец, городской корпус удалялся с

соблюдением того же церемониала. Двух новых эшевенов также представляли королеве, королевской семье и министру Парижа, который нередко приглашал городской корпус к обеду. (1) Это была, как нетрудно догадаться, подлинно официальная речь, надутая пустым многословием, полная ничего не значащих слов, настоящее нагромождение этикетных выражений. Всякое новшество в этом отношении показалось бы скандальным. В речах, произносимых во время голосования, всегда обнаруживается дух большинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.